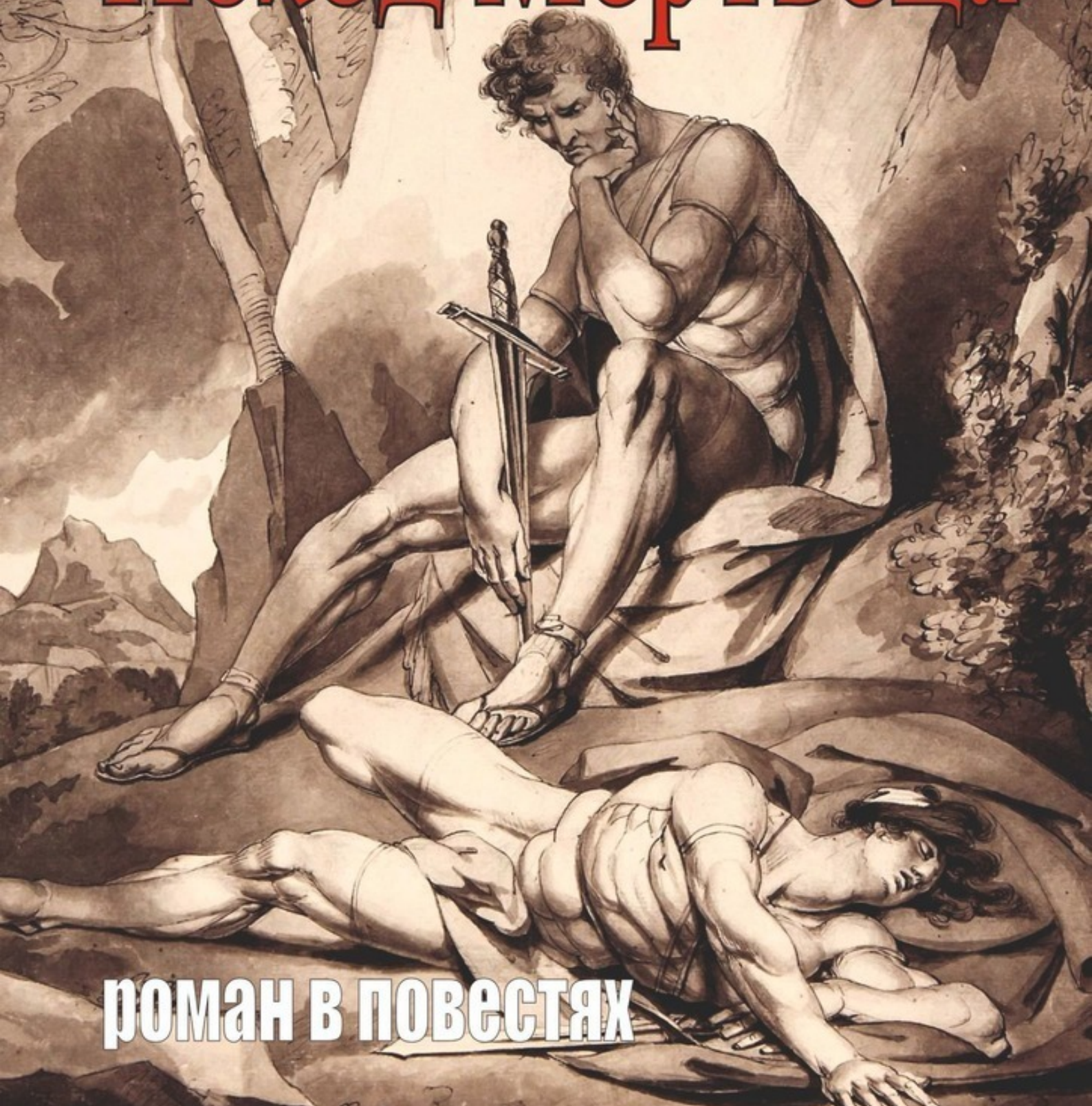

Кирилл Берендеев

Поход Мертвеца

роман в повестях

Кирилл Берендеев

Поход Мертвеца

«Издательские решения»

Берендеев К.

Поход Мертвеца / К. Берендеев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-506611-4

В мире, застрявшем на перепутье между античностью и средневековьем, только он, наемник по имени Мертвец, может справиться с заданиями, за которые не всякий другой решит взяться. Он берётся тайно сопроводить юного царевича к месту коронации, по стране, раздираемой междоусобицей. Пытается помочь мальчику, одолеваемому демоном. Простые поручения, которые всегда оборачиваются непредсказуемым финалом. Но еще более непредсказуем итог этого долгого путешествия.

ISBN 978-5-00-506611-4

© Берендеев К.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие автора	6
Преданный сын	9
Опоздавшие к богу	34
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Поход Мертвеца

Кирилл Берендеев

Корректор Екатерина Гракова

Корректор Светлана Тулина

© Кирилл Берендеев, 2019

ISBN 978-5-0050-6611-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие автора

История с продолжением. Когда герой в конце книги не убит и не сыграл свадьбу с единственной, у читателя очень часто возникает законное желание узнать, а что же будет дальше с ним, полюбившимся персонажем. Продолжит он свои деяния или что-то встанет на его пути? Продлятся ли его странствия, а может, он все-таки осядет где-то, уйдя окончательно и бесповоротно на покой. Как тут не вспомнить знаменитую книгу Толкина «Хоббит» – о маленьком, но отважном и мужественном создании, отправившемся туда и обратно до пещеры с драконом. Нашедшего друзей, а еще – таинственный артефакт, кольцо, делающее его невидимым... ну как тут не написать продолжение? И тоже можно сказать о принцах Амбера, янтарного королевства, затерянного в странных временах, в невероятном сплетении технологий и магии. А что говорить о соперничавших кланах Семи королевств? Тем более, Джордж Мартин так и не развязал свой узел, и нам, читателям, остается только ждать и гадать, что же случится на самом деле, а не в посредственно отснятом и нелепо набросанном восьмом сезоне, столь поругаемом как критиками, так и зрителями.

Александр Орловский «Всадник»

А потом, когда он допишет до означенной сериалом «Игра престолов» точки – не начнет ли вести новое продолжение? Или, по причине болезней и преклонного возраста, может, передаст хрупкую, филигранную работу своим подмастерьям.

Я не случайно все примеры историй с продолжениями приводил из разряда фэнтези, ведь именно в этом жанре написана и моя книга, роман в повестях, который вы держите перед собой, мой читатель. История с его появлением, должно быть, не менее интересной, чем приключения самого главного героя – по крайней мере, автор очень хотел бы надеяться на подобную благосклонную оценку своего скромного опуса. Поначалу мне приснился сон, в котором увиделась шестая повесть, появился тот самый удивительный меч и змий, мечом поражаемый. А потом, поутру, пришло в голову, как разложить события сна на составляющие, что еще придумать, куда повести героя. Но тому явно не хватало предыстории, событий, которые должны привести к столь грандиозному финалу. А их требовалось, как мне казалось тогда, хотя бы на пару повестей. И я вспомнил об одной давней задумке – рассказе о сыне божьем, отвергнутом своим отцом за малодушие – и решил, что именно с нее и начнется поход наемника по прозванию Мертвец.

Так появились две точки, начальная и конечная, между которыми предстояло продолжить мостик. Кто знал, что мне на это потребуются куда больше одной повести и около года работы? Множество героев и перипетий сюжета. Некоторые из которых автор не решился распутать, оставив их на суд читателя. В итоге, долгое странствие подошло к концу, Мертвец уплыл в закат, чтоб никогда более не возвращаться. Во всяком случае, я на это надеюсь. Но дорога осталась, та самая, через княжества и государства, мимо городов и сел, дорога, которая всегда увлекает.

И вот еще за что мы любим фэнтези. Не только за необычное сплетение наших фантазий, исторической памяти о неслучившемся давным-давно и бескрайней свободы нового, с иголки, мира. Хотя да, сам мир, открываемый у всякого автора, во всяком новом произведении заново, он всегда стремится заморозить именно своей новизной, необычностью, поразительностью. Той самой магией, что подстерегает за каждым углом, нет, пусть не за каждым, иначе читать такой труд попросту невозможно, но вдали от селений, в местах потаенных, поистине сказочных – даже в рамках самой сказки. Многим нравится само путешествие героя, открытие им этого дивного мира, дорога, по которой он движется, людей или нелюдей, которых он встречает на своем пути. Мы, дети цивилизации, освоившей Землю, превратившей ее либо в фабрику, либо в парк аттракционов, либо в свалку, либо в мегаполис – мы мечтаем о ушедшем диколесье, о временах непростых и непритязательных. Мы, погруженные в комфорт, как в скорлупу, думаем о покорении неведомых земель и просторов. Неудивительно, ведь их не осталось здесь. Как странно, что это не так.

Самый простой пример покажется самым поразительным. Помню, как вернувшись из поездки в Казань, я несколько недель выслушивал множество вопросов об этом городе, как будто он находился либо на обратной стороне Земли, либо уже где-то на Луне. А говорят ли там по-русски? А как там люди живут, по нашим законам или своим? А вправду ли у них есть такие-то удивительные достопримечательности и так ли они примечательны, как говорят? А кухня, что там подают в ресторанах и кафе и можно ли это есть?

И, казалось бы, до Казани добраться на самолете от силы полтора часа, на поезде-экспрессе втрое дольше. И будто не просто другая страна, но совершенно иной мир. Расположенный в центре России, на перекрестье множества путей, но только не туристических. А мы настолько обжились в обществе компьютера, смартфона, дома и работы, что отныне всякое путешествие не на курорт, не в здравницу, а куда-то в сторону от хоженных троп под руководством опытного гида, не позволяющего даже сознанию нашему сделать шаг в сторону, кажется чем-то удивительным. Больше того, обрастает странными вопросами и желанием, нет, не побы-

вать там, ну зачем же такие крайности, просто узнать о новом-старом, стертом с карты мира месте. Пусть даже и городе-миллионнике, который еще именуется третьей столицей страны.

Вот и я приглашаю вас в путешествие, которое пройдет в разных землях и странах, на разных континентах, в обществе людей и богов, колдуний и жрецов, среди пустынь и лесов, городов и сел, в тех местах, о которых вы еще ничего не знаете. Но когда увидите и услышите, пройдете долгий и непростой путь вместе с главным героем, вместе с ним переживете то, что и он, надеюсь, не сразу захотите проститься – и с дорогой, и с путешественником. А пока счастливого вам похода.

И приятного прочтения!

Всегда ваш,
Кирилл Берендеев

(в оформлении обложки использована иллюстрация Иоганна Генриха Фюссли «Мечь»)

Преданный сын

– Сколько?

Фердинанд Келлер «Гробница Бёклина»

– Сто монет сейчас и двести по возвращению, – квестор поймал усмешку, тронувшую уголки губ наемника. – Мало? Мы не требуем многого, только найти и привести в монастырь.

– Могу я попросить иной награды? – Квестор, подумав недолго, кивнул. – Я бы хотел получить за поимку меч-бастард из ваших кладовых.

– Он стоит дороже трехсот монет.

– Я согласен доплатить разницу.

– Это... – монах потерялся, не зная, что ответить. – Это сокровище принадлежит братии, мы... я не могу... не имею права. И откуда ты вообще знаешь про меч-бастард?

– Неважно, – наемник улыбнулся, странная вышла гримаса, улыбка тронула только левую половину лица; квестор отметил про себя, что ни разу за время пребывания наемника в столице он не видел, чтоб тот улыбался иначе. – Можешь забыть о мече, мне достаточно знать, сколько монастырь готов потратить на пророка.

– Он называет себя сыном божьим.

– Все одно. – Взвесив кошель, поданный квестором, наемник вышел во двор, где, нетерпеливо переминаясь, стояла его лошадь. Монах, поколебавшись чуть, поспешил за ним. Будто хотел сказать еще что-то, но опоздал: когда открыл дверь, топот копыт замирал в конце улочки, уводившей со двора монастыря к южным воротам города.

За четыре дня он покрыл расстояние между столицей и Суходолом. Мог и быстрее, но лошадь следовало беречь, обратно ей везти двоих. Не торопился, но и останавливался лишь на водопой и выспаться. Ночи выдались холодными, северный ветер заставлял поторапливаться и не давал долго спать.

Странное задание. Магистр, по чьему зову наемник приехал в столицу, так с ним и не поговорил, вместо этого он полтора дня общался с квестором, водившим кружными путями и только под конец назвавшим сумму. Непонятно, зачем понадобилось звать его, когда в ордене Багряной розы имеется полдюжины молодцов, готовых по первому зову отправиться за этим божьим сыном и привезти в монастырь без лишнего шума. Когда наемник вошел во двор обители, там бродило без дела не меньше пятнадцати ражих вояк. А сколько можно

собрать по первому свисту? Или у квестора, ведавшего в ордене как воинской подготовкой, так и казначейством, свои планы? Ведь как они проходили – только по тихим коридорам, ему и келью подготовили в подвале, чтоб никто и ничего. Кажется, монах сделал все, чтоб за его крепкой спиной не видели наемника. Щекотливое дело? Возможно.

История сына божьего хорошо известна и без рассказов квестора, хоть и случилась незадолго до рождения наемника. Некий горшечник по имени Пифарь, один из многих ремесленников в Суходоле, на исходе тридцать пятого своего дня рождения узрел во сне бога, с которым и беседовал. Не одну ночь, но целую неделю господь открывал избраннику истину. Что он суть единый бог, и никого боле в целой вселенной нет, и что все молитвы следует обращать ему, и помыслы и деяния. Все прочие божества суть ложь, и за их почитание гореть в геенне огненной, но надежда остается до последнего вздоха – если человек перед самым уходом уверует в бога истинного, то спасется. Потом этот бирюк, так и не обзаведшийся семьей, вышел к поселянам и стал проповедовать, подкрепляя слова чудесами: ходил по воде, обращал песок в золото, а вино в воду. К нему стали приходить из других городов и селений. Так что в столицу отправилось целое воинство. Вот только ворота ему не открыли. Неделю держал Пифарь Кижич в осаде, обходил окрестные деревни, песнопения пел, молитвы читал, однако кончилось банально – паства разошлась, ему пришлось возвращаться несолоно хлебавши, да еще орден Багряной розы посчитал действия пророка оскорблением верований и обратился в квестуру Кижича. Там отрядили сотню изловить охальника со товарищи. Но верным ученикам его удалось спасти сына божьего, Пифарь укрылся в соседнем царстве, где прожил какое-то время, а после, говорят, вернулся обратно в Суходол. С той поры о нем ни слуху ни духу. Зачем он понадобился сейчас? Столичный пропретор искать Пифаря не собирался. В ордене тоже тихо. Словно речь шла о возвращении заблудшего послушника.

А пригласили его, Мертвеца. Квестор, морщась, спрашивал, какое подлинное прозвание наемника, тот коротко отвечал: имя определяет характер. Монах кусал губы и предпочитал обращаться вовсе без имен. Его дело, имя наемника мало кому нравится. Зато, как верно заметил квестор, шибает в голову.

Суходол встретил его тишь и запустением. Раньше через поселок проходил оживленный тракт, ведущий в Старые пустоши и дальше, к границе до самых Косматых гор. Но по легенде, как раз тридцать лет назад, бог Пифаря прогневался на поселян и, раз те решили выдать вернувшегося из неудачного похода сына квестуре, жестоко наказал. В ночь, когда жители всем миром искали пророка, разразилась сильнейшая гроза, объявлявшая все небо и поразившая Одинокую скалу, обрушив ее в воды реки Одраты и перегородив. Река резко сменила русло и устремилась далеко в обход Суходола и его окрестностей, а с юга на неорошаемые огороды пришла сушь. Большая часть поселян отправилась искать счастья вслед за рекой, к горам. Когда Мертвец въехал в покосившиеся врата Суходола, в нем насчитывалось не более трех десятков дворов.

Квестор говорил, Пифарь прячется где-то в окрестностях, значит, найти его не составит труда, ведь у него и по сей день остались ученики и сторонники. Суходол обходят стороной, всякий приезжий на виду. Мертвец подумал: а ведь и сам квестор мог отправиться на ловлю Пифаря и потерпеть неудачу. Ему тогда около двадцати было. Старые счета проснулись? Или что-то еще подлило масла в тлеющие угли?

Ни детей, ни собак на улицах, потонувших в пыли. Где-то клохчут куры, блеют овцы. Мертвец медленно проезжал поселок, свернул на одну улочку, покрутив головой, выехал к разбитому монументу бога плодородия.

- Чего тебе здесь понадобилось, чужак? – донесся голос со спины. Мертвец не обернулся.
- Меня зовут Мертвец и я ищу сына бога.

Проще всего в подобных поисках – сбить поселян с толку, огорошив словами, которых они меньше всего ждут. А после двигаться к месту, которое они так стараются защитить, тем

самым, выдавая свою тайну прибывшему. Пифарь жил в небольшой пещере за околицей, подле заброшенного колодца, когда-то в холмах окрест Суходола добывали самоцветы, но было это в незапамятные времена, от которых только и остались пещеры, уводившие каждая в свой тупик. Без поселян наемнику пришлось бы искать Пифаря долго, а так стена людей, защищая своего пророка, быстро привела его к нужной пещере.

– Пифарь, я пришел за тобой, – крикнул Мертвец, спешиваясь. – И вели своим людям уйти, иначе мне придется положить их здесь.

Толпа загудела, словно осиный рой, ощетинилась дреколем, зазвякала топорами. Крепкие мужики и немощные старцы, и женщины, и даже дети – пришли, кажется, все жители Суходола.

– Пифарь, ты меня слышишь?

– Рад приветствовать тебя, Мертвец. Проходи в мой скромный угол, прошу вас, други, пропустите гостя. Он проделал долгий путь ради меня и нашей веры, негоже наставлять на него рогатины.

Защитники нехотя, но расступились, наемник быстро прошел сквозь тесный ряд, оказавшись перед располневшим, обмякшим пророком. Невысокого роста, одетый в некое подобие серой сутаны, он выглядел совсем стариком – седые всклокоченные волосы, глубокие морщины, избороздившие лицо, тяжелые шишковатые пальцы, боль в которых мучила по ночам. Пророк немного шепелявил и тщательно, но безуспешно старался скрыть это. Подал руку, вводя в свои покои – неглубокую пещеру, из которой тянуло сырым теплым воздухом. Хоть проход вглубь и завешен ковром, а на камни уложен дощатый пол, Мертвец поежился.

– Я ждал тебя, – произнес Пифарь, приглашая присесть прямо на пол. На усталом лице появилась тень улыбки. – Четыре дня назад мне явился отец и сказал, что я буду прощен, если встречу гостя и пойду, куда он скажет. Он сказал, у пришлеца окажется необычное имя и внешность. Хотя откуда теперь заезжие в Суходоле, – он вздохнул. – Тут остались только я и мои верные ученики.

– Я видел второе поколение учеников.

– Да, ты прав, – не замечая усмешки, произнес Пифарь. – Они последние, кто верят в меня... Остальные разбежались. Странно, мне казалось, я неплохой проповедник и сумею пригреть души у своего костра.

– Все дело в чудесах.

– Может и так... отец мой отвернулся от меня, ибо я предал его, бросил своих верных братьев на произвол судьбы и бежал на чужбину. Четыре года я бродил от города к городу, кормясь теми чудесами, которые прежде показывал, дабы уверить людей в отца моего. Как пошло распорядился я даром своим. Я бродил по водам моря, разбрасывая сети и ловя рыбу, я обращал свинец в серебро и расплачивался им за постой. Меня хотели казнить, но я снова бежал, обратно, в Суходол. Как странно, что ученики не оставили меня в скорбную минуту, напротив, они и по сию пору окружают меня и надеются на все то, что я говорю им...

– Ты сейчас говоришь сам с собой. Верно, всегда так говорил, вот и не донес нужного слова, – произнес наемник, поднимаясь. – Пойдем, нам надо покинуть поселок до заката.

– Я хотел напоить тебя чаем.

– Успеешь. Собирайся.

– Да-да, я только... мне надо предупредить своих, – Мертвец успел остановить сына божьего, когда тот выскакивал из пещеры.

– Не вздумай брать их с собой.

– Они сами пойдут.

– Останови. Мне процессия не нужна.

– Но они пойдут. Господь, отец мой, простил меня и зовет одесную, как я могу отказать ему? И они пойдут, ибо давали клятву следовать по пятам, ибо я наставник их в этой жизни и в следующей.

– Слушать тебя сил нет. Скажи, чтоб шли через день. Все равно тебя представят сперва магистру, а уж потом – не то судить, не то... Я не знаю, зачем ты дался ордену Багряной розы.

Пифарь как-то разом съежился, ссохся. Выкрутившись из рук наемника, медленно прошел к дощатому ложу, вытащил из-под него узелок, стал набивать какими-то безделицами. Мертвец пристально следил за каждым его движением. Толпа снаружи начала волноваться, но сын божий не слышал ни единого слова, погрузившись в невеселые думы.

– Ты можешь предположить, зачем понадобился ордену? – Пифарь не отвечал, целиком занятый сборами. Наконец разогнулся, тяжело вздохнул и покачал головой.

– Я напою тебя чаем в таверне у трех дорог. Пойдем, я готов. Отец мой, благодарю за все, что делаешь ты для меня, – голос сорвался. – Пойдем.

На лошади он ездить не то не умел, не то запомнил. Да и откуда, полжизни прожил горшечником, полжизни скрывался от земного суда. Вот и сейчас, проехав за спиной Мертвеца пару часов, взмолился о пощаде. Наемник сбавил ход, до таверны они добрались к полуночи.

Удивительно, но старая изба приветливо светилась окошками, хозяева еще не спали, поджидая запоздалых гостей. Наемник хотел постучаться, да Пифарь опередил его. Вышедшая на порог женщина увидела пророка, земно поклонилась ему, провела к столу. Усадила и спутника, что искоса разглядывал рослую, статную хозяйку лет тридцати. Подала кислых щей из печи, пирогов и полштофа браги. Свободная не кровать, комната, найдется, и за все она попросит десять медяков.

– Что же так дешево? – спросил наемник. – Не похоже, чтоб обед из помоев.

– У нас все дешево, – опустил взгляд, ответила женщина, принося баранины с житняком и медовых лепешек. А затем поспешно покинула залу, оставив гостей наедине.

Некоторое время они молчали. Первым не выдержал Пифарь.

– Я вижу, ты человек верующий. – Мертвец промолчал. – У тебя на шее татуировка – знак богини удачи. Многие воины делали такие себе, чтоб невредимыми вернуться домой, особенно часто я встречал такие в соседнем царстве, где...

– Этот знак набил человек, который верил куда больше меня.

– Но все же, – не сдавался Пифарь. – Ты обращаешься к богине? Ведь иначе вряд ли бы такой человек, как ты, позволил...

– Тому человеку я позволил, – ответил наемник, налегая на щи. – Не стоит в ночи беречь богов.

– Бога, – машинально поправил тот и осекся. Проговорил, после долгой паузы и совсем иным голосом: – Ты ведь наверняка говорил с магистром, можешь сказать, зачем вдруг я понадобился ему. Тридцать лет прошло, мне казалось, он больше не вспомнит.

– Ты знаешь магистра?

– Он приходил за мной, тогда еще не магистр, всего сотник орденского отряда, который...

– Я говорил с нынешним квестором, он тоже искал тебя. Не знаю, зачем ты им или ему, мне заплатили лишь за то, чтоб я доставил тебя в орден.

– Просто доставил? – вздрогнув, переспросил Пифарь. – Ничего более?

– Нет. Я и не уточнял. – Сын божий откинулся, негромко ударившись спиной о мощные сосновые венцы. Кивнул, куснув губу. Потом неожиданно вернулся к изначальной теме:

– Но во что-то ты веришь, раз подставил шею игле и чернилам. Набивший верил, значит, и ты разделял...

– Мертвецу не нужно верить. Он уже умер, – и недовольно подняв голову, продолжил: – Оставь свои расспросы, не время и не место сейчас. Я не твоя паства, и мне хочется спать.

– И до сих пор не вытравил, – все же закончил тот.

– Это не вытравишь, – ответил Мертвец и поднялся. – Хозяйка, отвлекись ради гостей.

Для них нашелся закуток за стеной, каждому по узкой лавке, гречишной подушке и цветастому одеялу. Лето закатилось в осень, по ночам сильно холодало. Время готовиться к предстоящей зиме.

Когда Пифарь захрапел, наемник поднялся. Миновав сени, нашел комнатку, где спала хозяйка, осторожно поскребся.

– Ночь холодна, – сказал он подошедшей женщине. – Пустишь на порог чужеземца?

Молча кивнула и провела к себе. Широкая кровать, спиленные на уровне живота стойки украшены резьбой, видно, раньше – у кого-то когда-то – она стояла в главной комнате, под балдахинном. Теперь в этом нет надобности. Поставив свечу на сундук, женщина произнесла.

– Ложись, странник. Пять монет.

– Как же дорого, – заметил Мертвец. – За эти деньги я мог бы у тебя месяц столоваться.

– Дорого то, что ценится, – спокойно ответствовала она. – Дорога одна, и я на всем пути до самого Триполья одна. Меня уважают и всегда останавливаются на обратном пути.

– Ты одна управляешься с хозяйством?

– Нет. Со мной живет служанка и ее муж, спят они сейчас. Зачем тебе расспросы?

– Сам не знаю, – признался он, – захотелось поговорить. Как бы только сюда сын божий не спустился за тем же.

– Не спустится. Если только тебя не увидит и не начнет искать.

– Ты из его паствы?

– Я его дочь. – Оба надолго замолчали.

– Из Суходола к тебе приходят?

– Нет. Я сама ушла оттуда.

– А мать?

– С матерью и ушла. Ты серебро за разговоры платил?

– За все. Иногда и разговор человеку нужен. Разве тебе за такую прихоть не платят? –

Она кивнула, коротко вздохнув: наемник поглаживал ее полные наливные груди. Пальцы спустились к низу живота.

– За всякое платят. Да не за все станешь брать.

– Последний вопрос, – женщина закусил губу, подавляя вскрик сладостной боли. – Все знают, кто ты?

– Зачем тебе... нет, немногие. Из Суходола и те... – Он крепко прижал хозяйку к себе.

– Тогда покажи, почему они возвращаются.

Слуги уж встали и готовили завтрак. Пифарь сидел у печи, с недовольным лицом, поджидая наемника. Едва увидев, тут же заторопился:

– Нам давно пора в путь, а ты... если б знал, как ты проведешь ночь, я бы уехал сам.

Наемник ничего не сказал, сел за стол. В безмолвии прошел завтрак, только ложки стучали о чугунок с перловой кашей. Когда Мертвец пошел на задний двор, седлать лошадь, женщина остановила его.

– Ты еще вернешься? Я снижу цену.

– Тебе просто понравилось, – он провел рукой по спине лошади, та беспокойно переступила с ноги на ногу. – Я не беру и не даю ложных обещаний. У тебя найдется еще потник? Твой отец тяжеловат даже для этого седла.

– Если вернешься, – но подала войлочный обрез. Кивком поблагодарив, наемник переделал животное. Недолго постояв, хозяйка вернулась в сени. Не вышла проститься даже, когда Пифарь тяжело взгромоздился в седло. Она ждала, обернется ли наемник, нет, так и не обер-

нулся. Ехал молча, немного ссутулившись. Пифарь говорил что-то, потом замолчал. Ворочался часто, вздыхая. Тишина накрыла обоих, только неспешный глухой топот копыт об утрамбованную глинистую землю. Редкие жухлые деревца вокруг, солнце, выглянувшее из-за редких облачков, засветило по-летнему жарко, горизонт поплыл, задрожал зеркалом миражей. Сколько часов прошло, а в дороге никто не встретился, будто съехали с проторенной тропы и двигались куда-то в неведомое, одни в целом мире. И вид окрест не менялся, все те же унылые всхолмья по обеим сторонам, песок и глина под ногами. Чахлые деревца, мхи да пятнами пробивающаяся травка у высохших родников. Иногда под ногами стучали камешки, тут только Пифарь понял, что дорога не один час ведет их по дну пересохшей реки, превратившийся в торный тракт.

Солнце вышло в макушку неба, когда наемник остановился. Пифарь едва слез, так болела и спина и пониже, стал растирать, устало охая, потом взялся за ту вонючую мазь, что потчевал мозоли еще вчера вечером. Невдалеке протекал крохотный ручеек, заметный лишь потому, что вокруг него зеленело пятно травы. Мертвец осмотрел лошадь, обер и, оставив кормиться подле ручья, спустился в сухое русло, в пещерку, где уже устроился сын божий. Ели молча, передавая флягу с водой. Пифарь не выдержал:

– Зря ты так с ней ночью. Потянуло, что моя дочь? Грех это. – Наемник долго молчал, наконец, ответил:

– Она мне сказала, что бежала с матерью из Суходола. Давно это случилось?

– Тебе важно жизнь мою знать? У квестора не спрашивал?

– Он сказал, что хотел. Меня она попросила вернуться.

– Верно, всех просит. Ведь не за так же.

– Верно, поэтому и сбежали из Суходола.

Пифарь помолчал, но увидев полуулыбку собеседника, произнес:

– Ни к чему этот разговор. Но если хочешь вернуться, лучше не делай. Я встретился с женой во время скитаний, в одном портовом городе. Да, она работала как и сейчас ее дочь. Я спас ее от поношений и ножа в грудь. Хотел обратить в свою веру. А она обратила в свою, раз вернулся с ней в Суходол. Знаешь, Мертвец, – неожиданно легко и свободно произнес сын божий прозвание наемника, – я не уверен, что она вправду моя дочь. Ученики прознали, кем была, да и оставалась, супруга моя, они... должно быть, кто-то из них возлежал с ней. А может, я наговариваю, ибо боюсь их. Да, наемник, боюсь. Любовь не делится поровну, кого-то любишь сильнее, кого-то не можешь полюбить вовсе. Я говорю прописные истины, но мне надо выговориться, – наемник кивнул. – Я любил лишь одного из своих учеников, самого верного, того, что предал меня, указав дружине ордена на мой дом. Я по-прежнему люблю его, хоть он и ушел к моему отцу. Надеюсь, сидит ошуюю подле трона и поджидает меня. Ведь он единственный выполнял завет отца моего, когда остальные предали по-настоящему. Увезли, скрыли за границей, и тогда только, убедившись, что я не вернусь, что я так же полон страхом, как и они, оставили одного.

Пророк говорил эти слова глухим монотонным голосом, не поднимая глаз, будто сам с собой разговаривал, не в первый и не последний раз заводя подобную беседу.

– Ты говорил о дочери, – напомнил Мертвец, вытирая руки тряпицей. Пифарь долго следил за неторопливыми, размеренными движениями наемника, потом встряхнулся.

– Ты прав. Дочь родилась через год после возвращения, я назвал ее Паницей. Любил ее, что б там ни говорила паства. Сильно любил, веря и не веря наветам, ведь она совсем не похожа ни на меня, ни на мать. На мать стала походять позже, когда ушла.

– Ты сейчас так говоришь, – ответил наемник, не подымая головы.

– Возможно. Я тогда не думал ни о чем. Мне было хорошо с женой и с дочерью. Может, ученики мои, видя, что я отделился от них, зажил сам по себе, стали оговаривать жену. И среди моих учеников есть люди, с которыми тяжело жить, завистливые, тяжелые, неулыбчивые. Спро-

сишь, зачем я сделал их учениками – самому непросто ответить. Поначалу верил, что изменю их, отец мой изменит. Все мы изменимся, когда уверуем. Должен же человек во что-то верить.

– Получалось, тебе поддакивали.

– Да, и мне нравилось. Нет, поначалу и вера и любовь казалась искренней, так бывает, когда кажется, что веришь и любишь, когда молод, когда хочется чего-то нового, правильного, справедливого. Когда сто дорог впереди. А потом, не пройдя и половины путей, десятой части не получив от прожитого, вдруг понимаешь: полжизни прошло, а что взамен?

– Ты так и не сказал про дочь.

– Мы устали, – не слушая его, продолжал Пифарь. – Я устал прятаться, они устали верить. Жена поняла это первой, потому и ушла. А я не стал держать, потому как сделал выбор еще раньше нее, но так старательно скрывал его – от себя, разве от нее что-то скроешь. Вот и ушла. Да и дочь выросла, ей тогда стукнуло пятнадцать, на выданье. Через год прокатилась эпидемия холеры, жена... ее не стало. Может, сейчас простит. А дочь... нет, она не станет. Я пытался найти подход к ней, оплачивал слуг, работников, присылал кого-то из Суходола в помощь. А будто в отместку. Деньги она возвращала. А может, организм таков, что не может.

– Не уверен.

– Ты лишь спал с ней.

– Я спрашивал о тебе, пророк. – Пифарь склонил голову. Наемник выглянул из пещерки, поднялся, отряхиваясь. – Нам пора, договорим позже. Путь долог, а выходит, ночевать нам придется в поле.

– Я тебя сильно стесняю. Сам хотел бы торопиться, да не умею скакать.

– Не всякий к тому приучен. Пойдем, пора двигаться дальше.

Долина не кончалась. Солнце садилось, быстро клонясь к горизонту, когда они остановились снова, у большого родника, означенного двойным крестом, выкрашенным белой краской. Подле стоял потрепанный временем глинобитный домик, похожий на опрокинутую чашу, такие часто встречаются в пустынной местности, где редки поселения и не у кого попроситься на ночлег. Когда-то, двести лет назад, Кижич являлся глухим поселком, и только после падения третьего царства и появления четвертого правитель этих земель перенес столицу в новое место, удаленное от мирских соблазнов, от высоких белокаменных домов и горожан, живущих зрелищами чужих смертей. Наверное, он тоже пытался сделать мир лучше, жаль, как все предыдущие, эта попытка приказала долго жить. Как напоминание о ней, вокруг Кижича появились вот эти строения – невысокие домики без окон, отапливаемые по-черному, где можно заночевать продрогшим, озябшим, измученным долгим переходом путешественникам. Их так и называли голвецами, в честь первого царя новой династии, вскоре проигравшего войны Урмундской республике, с этим оставившего надежды на лучшее и ушедшего в глухой монастырь доживать последние дни. Вместо него правителем царства стал избираться государь из числа приближенных к короне княжеских родов, а надзирать за ним республика поставила прокуратора, изредка наезжавшего в столицу из великого Урмунда.

Пифарь поинтересовался, далеко ли до ближайшего поселения, где-то полдня пути, ответил наемник, заходя в голвец и сбрасывая седло. Лошадь устало паслась рядом, хоть здесь начинали появляться признаки прежней жизни этих мест: колки, заполненные ивняком и ольшаником, там и сейчас родники вытягивали из посушенных холмов воду, тщетно пытаясь собрать слабые ручьи в прежние притоки. На суглинке они образовывали лишь редкие лужи, вода уходила в трещины, просачивалась меж галькой.

Ясный день обещал прохладную ночь. Наемник развел костерок, ветер унялся, так что в голвече сделалось тепло и уютно. Бросил войлок Пифарю.

– А сам?

– Привык, – и занялся вяленным мясом. – Мертвому много не надо.

– Тебе так нравится свое прозвище, – не удержался сын божий. Наемник развел руками.
– Что поделать, доволен не только я.
– Видно, придумал недавно, раз пока наслаждаешься.
– Даже спорить не буду. Я столько раз умирал...
– Года два-три назад по-настоящему?
– Четыре, если тебе интересно. Прозвище появилось раньше, но... четыре, – наемник помолчал, Пифарю показалось, он хочет что-то добавить, нет, всего лишь взялся за второй кусок говядины.

– Ты мало о себе говоришь, не знаю, не хочешь или пока не можешь, – сын божий выждал, затем, не услышав ничего в ответ, продолжил: – Если не против, я попробую рассказать о тебе, – кивок в ответ. – Выучка у тебя воинская. Похоже, ты сражался, и мне кажется, под знаменами Урмунда. Еще я увидел на ногах следы от кандалов, такие не стираются, если носить их достаточно долго. Видимо, ты пробыл несколько лет в неволе. И твоя одежда, она из северных краев. Если ты так не хочешь ее менять, может быть, ты умер там?

Мертвец долго глядел на пророка.

– Говорить тяжело, рассказывать неинтересно. Потому я больше молчу. Но ты прав, и про солдатскую службу, и про кандалы. Как ты понял, я умирал трижды, и поскольку на мне северная одежда, именно там я обрел окончательно свое имя и призвание.

– Урмунд тебя ищет?

– Нет, моя неволя не связана со службой, на мне нет печати раба, значит, я свободен – и от долга, и от права. Да и от всего остального, пожалуй.

– Кроме желания жить. – Мертвец усмехнулся.

– Каюсь, пока есть. Но вот ты так стремишься покинуть бранный мир, будто за тобой гонится кто.

– Отец меня ждет. Я говорил, он явился ко мне за четыре дня до твоего прибытия, простил и велел следовать, положась на тебя во всем.

– Я всего лишь доставлю тебя в Кижич. Не уверен даже, что сына божия будут судить, как сделали бы тридцать лет назад, не думаю, что ты понадобился для личной мести, я сам не понимаю причин, заставивших квестора или магистра послать за тобой не своих братьев, а наемника.

– Много ли тебе заплачено?

– Сто монет сейчас и двести по возвращении. Сумма невеликая, и это тоже меня смущает.

– Ты так известен своим ремеслом? – Мертвец кивнул в ответ. Сын божий задумался. Потом изрек: – Пойдем, когда прибудем, что проку гадать сейчас. Сейчаснее незнание, может, лучшее, что у нас есть.

Мертвец хотел возразить, но предложил лечь: лошадь спит, что будить разговорами.

Встали поздно, солнце поднялось, легкий туман, сгустившийся над руслом реки, испарился под жаркими лучами. Пифарь долго не мог разойтись, неудачно лег, все тело занемело. Пока он разминал затекшие мышцы, наемник снова проверил спину лошади, и затем, успокоившись, начал седлать. Быстро позавтракав, отправились в путь.

Когда солнце взошло в зенит, ложе реки стало постепенно зарастать жесткой травой, а затем и камышником, кое-где превращаясь в глинистую топь. Копыта неприятно чавкали по разбитой дороге. Спешившись, наемник вывел лошадь на бывший берег, огляделся. Дорогу они проскочили, та ушла в сторону еще несколько миль назад. Еще через час они добрались до первых признаков человеческого жилья, их окружили скошенные поля и только посеянные озимые. Еще несколько миль, поля ушли, потянуло теплом очагов. Путники, наконец, добрались до одного из полноводных притоков реки и въезжали в поселок, стоявший недалеко

от Одинокой скалы, вернее, того кургана, что от нее остался, еще немного и он покажется на горизонте.

Мертвец предложил остановиться здесь до завтра, переход дался лошади непросто, да и Пифарь чувствовал себя не лучшим образом. Поколебавшись, пророк дал согласие. Немного побродив, они нашли на выезде в столицу постоялый двор, где и остановились.

Поселок был бедным, а потому цены кусались: за обед им пришлось уплатить сорок пять медяков, почти две монеты. В полторы монеты обошлась кровать – одна на двоих. Путники вышли из избы, присели на крыльце, разглядывая прохожих, спешащих сделать свои дела и разойтись по домам. Вечерело, на берег опускалась прохлада сумерек.

– Мы быстро двигаемся, – произнес наемник. – Полтора дня пути за сутки, проехали уже девяносто миль. Мне казалось, будет медленнее.

– Ты так часто пользуешься мерами Урмунда, неудивительно, что тебя можно назвать уроженцем этой страны.

– Я родился не там, но переезд в два года... да, я был гражданином республики.

– Из родителей кто-то остался? – Мертвец покачал головой. – Родные?

– Сейчас уже не знаю и не хочу ворошить. И навязывать себя кому-то.

– Я это понял, когда увидел тебя спящим с моей дочерью.

– Ты так ее и не простил, – Пифарь дернулся, словно застоявшийся конь. – И не простился.

Сын божий поднял глаза на наемника, в них читалась нескрываемая боль.

– Ты прав. Как же ты прав. Я только сейчас понял, что наделал. Прощаясь, пожелал счастливого дня и все. Ничего не сказал, куда мы, зачем.

– Скажут. Ученики, они же пообещали идти следом. Думаю, она присоединится.

– Хотелось бы... и не хотелось. Их все равно не пустят в город.

– Ты забыл, сколько их осталось у тебя. И хорошо половина пойдет за тобой, а так подумать, то отправиться за учителем, который уходит навсегда... не думаю, что больше десятка. Но дочери они скажут обязательно. Жаль, что я узнал ее имя слишком поздно.

– Но ты-то всегда можешь вернуться, – Мертвец потряс головой.

– Не получится, – он вздохнул. – Я все думал над твоими словами вчерашним вечером. Понял, что меня удерживает здесь не желание жить, оно давно прошло. Другое, странное. Меня часто зовут исполнить то, найти это, я не могу отказать. Всякий раз я надеюсь, путь мой пойдет в одну сторону, но хочу выполнить поручение и возвращаюсь. Я готов был схватиться с твоими учениками, удержало лишь то, что среди них не встречу достойного противника, – Мертвец помолчал. – Так что я ищу того же, Пифарь, только долгой дорогой. Так, как это делаешь ты, у меня не получается.

– Все берет время. Ты ведь не сразу стал тем, кто есть, тебя долго подводили к тому положению, из которого видится один выход. Со мной проще: мои родители давно отошли от меня, махнули рукой, хоть мы и жили в одном доме. Братья и сестры разъехались из Суходола, осталась младшая, помогавшая отцу в хозяйстве, ей тогда было двадцать, но и она после моего отъезда переехала вместе с семьей в Мраволев. Когда я вернулся, в Суходоле оставались только верящие мне или привыкшие к моей вере.

– Так что с твоим отцом?

– Тогда это показалось мне едва ли не избавлением. Нет, я не мечтал выделиться, не видел в себе особого. Впрочем, Суходол, даже в тучные годы, тяготил меня, да и работа, доставшаяся по наследству, и много еще чего. Наверное, я уехал бы, но столько давал себе обещания, столько не выполнял.

– Поэтому ты поверил сну.

– Это не тот сон, что уходит утром без следа. Ты знаешь, я исписывал десятки страниц ежеутрене, в деталях помня, что случилось со мной, эти воспоминания не потускнели и ныне.

И еще – чудеса, их я показывал так же ежеутрене, сперва перед своей семьей, потом, когда меня подтолкнул отец последними словами из сна, я вышел и стал говорить. Меня и так считали слегка не в себе, а тут я заговорил о чем-то совсем непонятном. Но ведь я не только говорил, глазами мирян я виделся благословленным, раз показывал чудеса, что так любит народ.

– Как единый бог объяснил твоё происхождение? Он был в связи с матерью, ведь так, а значит, твоя дочь, его внучка, пошла...

– Прекрати! – Пифарь вскрикнул так, что на него стали оборачиваться. И осекся. Долго сидел, безмолвно. Потом произнес:

– Только в беседе с тобой я начинаю понимать то, о чем никогда не задумывался прежде. Я средний сын, третий из пяти. Ты подал мне кощунственную мысль – а не развлекался ли бог с моей матерью, когда представал перед ней в обличье отца? Я думаю, и раньше пытался задать себе этот вопрос, но не осмеливался. А теперь мне надо найти ответ. Меня давно гложут мысли о случайности выбора...

– Спроси его.

– Он больше не говорит со мной, предсказав твоё появление, он ушел ждать, отобрав заодно и все мои способности к чудотворству.

– Жаль, – Мертвец потянулся. – Я надеялся, в дороге ты покажешь мне хоть что-то.

– Теперь я должен убеждать одними словами. Понять, почему отец молчал тридцать пять лет, почему объявил меня сыном, почему ждал, пока я прозябал в никчемности, в безверии. Один, как перст, – он замолчал и продолжил другими словами: – Быть может, в том и состояла его задумка: дать мне понять, насколько все вокруг пусто, насколько я напрасен без него. Может быть, – он взволнованно поднялся, прошелся по крыльцу, спустился во двор и долго мерил шагами пустой загон. Наемник устал от его ходьбы, сказал, что идет спать, но остался неслышанным. Пифарь прибыл за полночь, усталый, но счастливый, хотел говорить, понял, что разбудил не только своего товарища, но и других, ночевавших на соседних кроватях, просто натянул на голову одеяло и замолк. А затем и провалился в сон.

Проснулся он поздно, в кровати наемника уж не было, да и другие давно разошлись. Солнце поднялось высоко, в узкое окошко пробивался косой луч. Пифарь закашлялся и вышел, ощутив, насколько сперт воздух в спальне.

Мертвец позавтракал и сидел один, глядя в окно. Стекол в избе не имелось, их заменяли пленки бычьего пузыря, трепыхающиеся на промозглом ветру. На небо набежали тучи, заметно похолодало. Девка, подоткнув подол, мыла полы, смущаясь, попросила наемника отойти. Пифарь пристально смотрел на попутчика, но тот кивком поприветствовал пробудившегося и предложил пройти в кухню за кашей и лепешками.

Проголодавшийся пророк уплетал кашу за обе щеки; наемник с интересом следил за ним, потягивая квас из ледника.

– Сегодня нам предстоит перебраться через реку, паром ходит скверно, много времени потеряем. Хорошо, если до полуночи успеем добраться до скита монаха Реметы. Ну а дальше дорога торная, спокойная, не этот заброшенный тракт.

– Ты будто тоже стал спешить, – произнес Пифарь, наливая себе квас. И тут же: – Странно, что мы беседуем только на привалах.

– Не странно. Не умею говорить с человеком, не глядя ему в глаза.

Расплатившись, принялись собираться. Перед тем как привычно взгромоздиться в седло, сын божий долго наблюдал, как девка моет тряпки в громадном тазу. Потом взглянул на Мертвеца, улыбка разом сползла с губ.

– Домашняя, мягкая, как сдоба, – произнес он в ответ.

– Когда ты только с ней.

– Ты спал.

– Ходок, так запросто... тебе по другому делу в наемники идти надо.

Мертвец неожиданно улыбнулся по-настоящему. Нешироко, но от этой улыбки Пифарь даже вздрогнул, не чая увидеть подобное на лице наемника.

– Меня мать не рожала, – сказал он. – Врачи вынули, чревосечением. Зато не надо объяснять, как я появился на свет. Когда спрашивал, мать не врала про капусту, рубец показывала. – Пифарь улыбнулся следом.

– А у нас считается, такие и вовсе не рождены, и гражданства ты бы не получил, – посмеиваясь, произнес пророк.

– Еще считалось, такие долго не живут. Потому в республику и перебрались, думали, я года не протяну, а в наших краях считалось, что только ребенок держит брак, без него супруги должны разойтись. До меня у матери имелось трое детей, у отца еще четверо, оба в летах, за тридцать, куда там еще. Родили, не без помощи врачей из Урмунда, туда ж переехали. Там я и поступил на службу. Забавно все это.

– Не знаю, что забавного...

– Да все. Мы с тобой, – он все еще продолжал улыбаться, но лицо потемнело. – Два мертвых, не могущих найти пристанища. Ты спешишь до места покоя своего, я ищу, как за тобой отправиться. Хотя и знаю, не выйдет, – улыбка погасла вовсе. – Всегда знал, когда меня убьют, не первый раз, вот сейчас чувствую, обойдется.

– А про меня? – не выдержал Пифарь.

– Нет, ничего. Когда соглашался с квестором, хотелось посмотреть на сына божия. Они ныне в редкость. Мне рассказывали, лет сто назад, двое посланников не поделили меж собой время и место. Сошлись в кулачном бою, со товарищи. Знатная драка, говорят, случилась, у стен прежней столицы. Горожане смеялись, деньги ставили, грязью кидались. Что твой отец небесный о них говорил? – пророк, не ожидавший ответа, вздрогнул.

– Ничего. Он всегда обо мне и себе, о нас, об учениках моих и то мало. Я давно думаю... я не первая его попытка. Может, последняя. Вчера подумал, последняя. Потому и боюсь провалить предназначение.

– Слушай, а как же ты не побоялся вначале, когда о нем только узнал? Обычный горшечник, уже немолодой, да вдруг – пророк, идущий на смерть во имя новой веры.

– Как не бояться, боялся, конечно. Не то слово, сколь сильно. Земные мои родители, братья, сестра, все отговаривали, но разве я слушал их?

– Мать тебе не призналась, что грешила.

– Не знала она. Никто не знал, кроме небесного отца моего. Он столько лет держал меня в неведении, иссушая душу, и только так смог достучаться. Когда полжизни пропущено впустую. Это страшно, тридцать пять лет прожить, ничего не нажать, ничего о себе не оставить.

– Но ведь другие живут. Не думают.

– Кто не думает, не живет. Я писал об этом. Кто думает, верит, надеется. Тот только и живет, кто себя продолжает в детях, в деяниях, кто работает по совести, и надеется и на отца единого, и на грядущее его царство. Кто мечтает, молится, верует в него... Ладно, я заговорился, а нам давно пора. Та девка уже строит тебе глазки, верно, еще хочет поласкаться.

– Да, я ласкучий, – усмехнулся Мертвец.

До переправы они добрались за полдень, дорога выдалась непростой: яростный ветер гнал навстречу хмурые облака, всадники ежились, скрываясь за холкой лошади, та, попадая под особо яростные порывы, едва не останавливалась, как ни понукал ее наемник. Последнюю часть пути, уже под мелким противным дождем, и вовсе слез, повел под уздцы. Поселок, скорее, деревушка у реки, внезапно появилась, вынырнула из-за поворота. Пройдя несколько домов, путники остановились у реки. Широкая, бурливая, сейчас она побелела, пошла высо-

кими бурунами, паром как остановился у противоположного берега, так и не решался двигаться обратно, опасаясь перевернуться.

Народу на берегу скопилось изрядно, многие лезли без очереди, спеша по неотложным делам, просили лодочников спустить завозни, уговаривали, умаляли, подкупали тройной платой. Наконец Одрата поутихла, две плоскодонные посудины пошли по воде. В одну из завозен забрались и оба путника: переправа через рассерженную реку обошлась им в тридцать медяков и продолжалась так долго, что казалось, до берега, чернеющего недвижной линией в двух милях впереди, добраться им суждено лишь следующим днем. Но как плоскодонки миновали середину, волны переменялись и погнали завозни вперед, река смилостивилась над путниками.

Пифарь поднял голову, все время, что гребцы боролись с волнами, или пытались хотя бы противостоять им, он сидел у носа, не обращая внимания на других, и усердно молился. Едва повернувшись, встретился взглядом с наемником.

– Помогло, – вполголоса произнес Мертвец. – Хотя ты и говорил, что отец небесный отказал во всем.

– Кроме милости ожидания.

– Смотрю на тебя и не могу понять, как ты решился пойти в столицу, да не один. Хотя... потому ли, что не один, и пошел, вместе умирать веселее.

– Нет, я ведь пастырь их, никто, кроме меня, не должен стать жертвой.

– Отцу?

– Нет, – Пифарь вдруг замолчал. – Я неверно выразился. Да, я говорил о любви к ближнему, о всеобщем братстве, о непротивлении насилию – так говорили до меня и будут говорить все проповедники. Но глаголал и другое: что несу не мир, но меч, что разделю брата и сестру, отца и мать, мужа и жену, если один выберет моего отца, а другой воспротивится, что река крови во имя него искупит океан против него, что мученики во имя отца моего завтра же пребудут с ним, что... – И едва слышно: – Я испугался этого. Когда подошли к Кижичу и охрана закрыла ворота, я испугался – себя, их, отца. Я думал...

– Говорят, в городе случилась буча.

– Именно. Со мной пришли тысячи, я нарочно пошел долгой дорогой, чтоб поднять многих, тогда казалось, если я приду войском, мне откроют двери и преклонят колени перед необоримой силой воинства без оружия.

– Тогда что ты говорил про меч?

– Единственным оружием остались мои чудеса. Я метал огонь и обрушивал град, становился вихрем и тряс землю. За мной шли тысячи. В Кижиче меня ждали столько же. Они устроили бунт и готовились встретить меня. А я не смог разрушить стены или осушить ров и выбить ворота.

– Но ты прежде убивал десятки, если не...

– Ни одного. Прежде пред властью, данной отцом моим, преклонялись, стоило только завидеть ее, однако в Кижич вошли войска, не местные, они смешались с толпой, но тысячи из Урмунда. Они стали стеной между мной и горожанами, и их я не смог поразить.

– Но они чужаки.

– Все одно. Я говорил, все едины пред лицом отца моего. Пехотинцы и всадники взяли в окружение горожан, готовились обрушить на меня огонь метательных орудий, а я молился отцу, не смея разворотить стену, иссушить, испепелить или превратить легионеров в соляные столпы. Я не понимал слов отца. Сколько погибло бы – несколько десятков, остальные разбежались или оказались в плену. Толпа не желала им зла, она хотела лишь прорваться ко мне, они спаслись, многие спаслись бы. Когда, не дождавшись чуда, мое воинство стало разбредаться, отец велел уходить. Мятежников повязали. Потом суд, казни, сотни и сотни казней. И я не спас их. За мной уже шли, а я, имея великую силу, убоялся.

Лодка ткнулась в берег, милях в трех вниз от причала. Измотанные противостоянием с непогодой гребцы попросили еще хоть сколько-то, Мертвец молча протянул по монете каждому, чем вызвал ропот удивления и у паромщиков, и у остальных переправлявшихся. Лошадь, не привыкшая к подобным передрягам, долго приходила в себя, неуверенно ступая по земле, будто подвоха ждала. Наемник прошелся с ней вдоль берега, выискивал звериную тропу к торной дороге. К нему подошел пророк.

– Я солгал, – глухо признался он. – Я не думал о смерти легионеров, не думал о других, только о себе. Я вдруг представил свою смерть так ясно, как никогда прежде. И убоился ее, только ее, ничего более. Потому не пошел на приступ, потому стоял, молясь о чуде, прося отца не оставлять меня в трудный час, молился, впервые не получая ответа.

– Но как ты должен был умереть тогда, ведь снеси ты армию, столица бы пала, а остальных ты добил бы молниями и ураганами.

– Не так. Во время всеобщей молитвы у храма царя богов меня поразила бы стрела одного из служек. Оскверненный храм разрушили бы, а на его месте возвели огромное святилище, откуда имя отца моего разнеслось бы набатом по всей земле.

Пифарь замолчал, наемник так же не произносил ни слова. Молча пригласил пророка следовать за собой, через полчаса они вышли на тракт. На этой стороне Одраты от края до края неба чернел величественный бор, в который на четыре дня пути врезалась дорога. Люди старались пройти эти места как можно скорее, единственным убежищем считалась харчевня, одиноко стоявшая посреди бора, а еще обитель Реметы, где тоже порой останавливались. Отчего-то с давних пор ночевка в бору считалась опасной. И хотя здесь давно извели всякую крупную тварь, люди по-прежнему спешили миновать эти места. Благо сам лес тут сужался всхолмьем, за которым начинался недолгий спуск до Кижича. Еще три дня пути, и столица приветливо распахивала врата.

– Я тоже не смог вот так пойти под стрелу, – наконец произнес наемник. – Пророки прошлого знали, чьи они дети с рождения, готовили себя, жили грядущим. А ты – вдруг взял и получил то, о чем не смел мечтать. Чему удивляться, что тебе понадобилось еще тридцать лет, чтоб снова пойти на Кижич. – Сын божий слушал внимательно, не проронив ни слова. Мертвец помолчал. – Как теперь тебе быть? За тридцать лет у тебя остались только те, кто живут в Суходоле, да, пожалуй, твоя дочь.

– Не уверен, но раз ты говоришь так... да, выходит около дюжины верующих. И я не представляю, что меня ждет. Наверное, поэтому так тороплюсь. Я верю отцу и жду встречи с ним. Я... я устал.

– Я тебя точно не брошу у стен. – Пифарь не ответил, молча взгромоздился в седло и замолчал. Путники неспешно двигались по тракту, пока совсем не стемнело. Следовало бы остановиться, пусть и посреди заснувшего бора, но Мертвец упрямо двигался вперед, по едва видимой дороге, ища путь к отшельнику. Наконец, свернул лошадь. Задремавший Пифарь вцепился в плечо, вздрогнул, увидев чуть заметный огонек во мраке. Все же добрались, пробормотал он, снова засыпая.

Пифарь пришел в себя уже в ските. Маленькая избушка потерялась в бору. Тишина такая, даже птиц не слышно. Он встряхнулся, сел на лавке, покрутил головой.

Обстановка скудная, все необходимое для жизни одного человека, да еще немного на случай, когда заглянет кто. Комнатка с гравюрами на стенах, статуэтка бога-защитника при входе, да старый сундук, он же кровать. Посередине комнаты посреди дощатого пола – массивное кольцо, отворяющее спуск в ледник. За печкой кровати для странников, заглянувших в скромное обиталище. Он наклонился, увидев изголовье одной – похожи на домовины, столь высоки борта. Как-то непривычно.

– Надеюсь, сын божий удовлетворен местом постоя? – произнес негромко скитник. Он сидел по другую сторону массивного стола, недавно выскобленного. Чугун с пареной репой и бараниной да квас – их сегодняшний ужин. – Кушанья простые, так до вас здесь торговцы прошли, а они яствовать любят, – вздохнул Ремета.

Наемник усмехнулся. Пифарь заметил, что при всех различиях оба удивительно схожи. Один прищур, улыбка, выражение лица. Вот только сложением Ремета куда тоньше и заметно бледнее бронзовокожего Мертвеца, хотя вряд ли много слабее.

Мертвец загреб из чугуна еще репы.

– Ты вовремя проснулся, мы как раз доедаем. Присоединяйся. – Пифарь попробовал, почувствовав, что измотан, но совершенно не голоден. Извинившись, попросился отдохнуть.

– За что ж извиняться, для других гостей оставляешь, все благо, – тут же заметил Ремета. – О том и в твоих писаниях говорится.

Пифарь, собравшийся за печку, развернулся.

– Ты читал мои откровения?

– Откровениями это назвать трудно, нового ничего. И до тебя писали многие о благочестии и миролюбии, да делали ровно противное. Но ты, я вижу, другой.

– Он еще никого не убил, – уважительно произнес наемник. Скитник закивал головой.

– Это большая редкость. Взять хоть Црена-воителя. Того, что почти век назад именем царя богов Мраволев пожег. Храмовников в собор загнал, остальных в соборную библиотеку и запалил. Дескать, при новом божестве все равно одна только книга и надобна – его писание. Все пророки это говорят. Потому так за учеников их страшно. Верят ведь, что одна и надобна, и ничему не сомневаются. Несчастные люди. И жаль их, и страшно. Дай волю, сотворят такого кумира...

– Только не я и не мои! – резко бросил Пифарь.

– Да я ж и не спорю, напротив. Удивительный пророк ты, благолепный. Вот и от ужина в пользу брата своего отказался.

– Кого? – не понял Пифарь.

– Ты ж сам говорил, все люди братья. Ну хорошо, может, это сестра будет, но ведь и это не противоречит сказанному тобой. – Сын божий, поняв, что слов против ершистого схимника не сыщет, задернул занавесь и принялся укладываться.

– Воистину так, – ответил меж тем наемник. – Ну что, скитник, пропустим еще по кружке?

– Отчего нет, ночи здесь теплые, до ветру лишний раз пробежаться хорошо. Да и комары сошли.

Пифарь не выдержал:

– Вроде бы в лесу живешь, гостей принимаешь, всякому почтение оказываешь. Отчего зол-то на всех?

– Разве я зол? Я и беседу, и вас обоих поддерживаю всячески. Что вдвойне мне зачтется. А ради чего еще не грешить?

Пифарю долго не спалось, уж и наемник прикорнул на соседней кровати, и Ремета угомонился на сундуке, а все виделись какие-то рожи, слышались неприятные беседы, злые голоса... потом он понял: ветер гудит высоко в ветвях, стволами поскрипывая, все ближе и ближе, пророк вздрогнул и тут только понял, что все это время спал, а сейчас очнулся.

Хотя рассвет зачинался, в бору царила едва проглядываемая тьма. Мертвец собирался, позавтракав, скитника и вовсе не видно, только со двора слышались шаги да позванивание. На столе стыл знакомый чугун с репой, Пифарь присел, торопливо добывая остатки, закусил лепешкой и вышел. На крыльце едва не столкнулся с Реметой, тот нес несколько железных прутьев.

– Попутчик твой сказал, уже отправляетесь, жаль. В этой глуши редко с кем словом перебросишься.

– Неудивительно, при таком-то языке. Как тебя при храме еще держат?

– Я расстрига уж четверть века. С той поры здесь и поселился.

– Но ведь Мертвец говорил... – Пифаря будто жаром из печи обдало. – Грех ведь изгнанному...

– Я сам ушел. Изверился, – скитник бросил железки на пол и повернулся. – Только плешь осталась, никак не зарастет. А монахом я себя и не величаю, так меня те зовут, кто надеется на кров и хлеб забесплатно. Остальные стараются мимо проскочить, до самой таверны. Я уж и табличку на сходе с тракта поставил, да, верно, опять сломали.

– Отчего ж у тебя скит придорожный? Кто так из храма уходит?

– Да не был он при дороге-то, далече стоял. Это как двадцать лет смыло старую пристань по весне, река опять русло сменила, новую пониже перенесли, миль на десять, к тому городку, где она ныне. Купцы, что с них, они и дорогу напрямик прорубили, да только у кого товар попортится, у кого сторож исчезнет. И раньше похожее случалось, но только дорога новая с годами стала страхами обрастать.

– А трактир?

– Там дорога и петлю давала, посуху шла. Тут-то болота окрест, чего только не привидится. А прежде трактир при монастыре был, потом братия сбежала в Кижич, да жалко ей оставлять хлебное место, так и дерут с постояльцев по две монеты за ночь. Ну и байки складывают, чтоб у них останавливались. Вот тебе и вся вера.

Пифарь дернул щекой, но не отошел.

– Ты от них бежал, так получается? – Ремета кивнул с охотой.

– От них самых. Да и не только. У нас с тобой, сын божий, общего побольше, чем думаешь. Интересно послушать? – Пророк не ответил. Зато подошедший наемник с удовольствием попросил порассказать, интересно ж сравнить истории.

– Вот уж не думаю...

– Сперва выслушай, – и без предисловий начал: – С детства со мной странное происходило, да такое, что в четыре года родители меня в храм отвели. За год до этого стало казаться мне, будто отец мой, царь богов, неслучайно меня в мир отправил, но с намерением, каким – мне пока не сказывал, мал еще, да и толку, пока ходишь под стол, благую весть не разнесешь. Но зато язык удержать не мог. В четыре года я и читать, и писать умел, почему родители в храм меня и потащили. А там я первосвященнику стал об отце своем рассказывать, да писание толковать так, что...

– Лжешь, – не выдержал Пифарь. – Все ты лжешь, расстрига!

– Так что дальше? – вмешался наемник.

– Так толковал, что старцы-переписчики да толкователи дивились. Понятно, что через год я это писание все наизусть знал, меня в шесть в храм определили, сам первосвященник со мной занимался, а потом понял, что это я с ним беседы веду поучительные. Да только все о боге-отце и ни о ком другом, будто других богов не существовало, – скитник посмотрел на сына божия и, прищурившись, продолжил: – Вот и я о том же. Не было для меня других богов, кроме отца, не поклонялся и не возносил молитв прочим, как ни старались мои учителя и наставники. Все одной статуе, одной иконе поклоны бил и чего-то выпрашивал. Что выпрашивал, спросите – ну, чудес, конечно, чудесных подтверждений моей избранности, что толку в семь лет знать все писание, хочется ж еще перед сверстниками выказать себя, а не только перед старцами, надоели они мне к тому времени хуже собак. И храм надоел. Хотелось друзей, игр, много чего, а все время службы, проповеди, учения, беседы, чтения старинных свитков, что в них толку? Изю дня в день одно долбить и себе и приходу. Ну как ты, брат мой,

своим ученикам тридцать лет одно долбишь, так и я. Только мне это быстро надоело, а тебе вот понравилось.

– Лжец, – ядовито выдавил из себя пророк. – Начитался моих сочинений, вот и считаешь, что можно над верой моей поглумиться.

– Мне лгать незачем. А коли не веришь, зайди в храмовую библиотеку ордена в Кижиче, все равно тебя туда распределят, да поищи имя мое. И как меня в семь, а не в десять, как всех, в служки постригли, а через полтора года в монахи определили, и как я ушел от одного бога к тому, что у меня на полке стоит, а вскоре в тот самый монастырь подался, где одна харчевня осталась, – там про все написано. Хорошая библиотека в том монастыре, многих святых писания есть, еретиков и проклятых тоже. Мне, когда я перешел в их обитель, все давали читать, думали, им благодать сойдет и денег народ поднесет поболее. Я ведь и выступал за них перед публикой, туда в мои шестнадцать толпы валили. А мне... уже балаган.

– Тебе, я смотрю, все балаган, даже здесь, в скиту, и то находишь время и место поглумиться над всеми.

– Потом вчитался в писания получше, и забросил их напрочь. Везде одно; я уж и пророков читал казненных, и учеников их, да что... одно. И тебя вот напоследок. Знаешь, Пифарь, нет ничего нового, кроме имен и названий. Ты хоть бы перед тем, как свои откровения сообщать, в столицу съездил, чай не край света, в библиотеку ордена зашел, тоже бесплатно. Крови вы все много жаждете, да проклятьями сыплете без перерыва. Так подумать, были б ваши боги живы, и людей не осталось, всех извели начисто.

Пифарь не выдержал, выскочил во двор, взлетел в седло.

– И давно у тебя отторжение прошло? – спросил Мертвец. Ремета улыбнулся, легко, спокойно.

– А как услышал о новом пророке, вещающем о божьей отце, так на душе и полегчало. Мы ж с ним ровесники, месяц в месяц родились. Считай, бог-отец над нами опыты ставил. Все по науке, сперва одного вбросил, другого оставил для сравнения, потом наоборот. Я еще хотел в Суходол ехать, да вижу, сам пророк сюда движется. На другой берег Одраты переехал, послушал. Пожалел, что не взял столицу. Старые боги многим приелись, потому и бузить народ начал. Ты бы нового насадил, и храмовникам выгода, и народу проще мозги полоскать – куда вы от единого сбежите, второго нет.

Меж тем в бор пробралось восставшее солнце, лучи его мягко просвечивали сквозь бесчисленные иглы, окрашивая мореные венцы избы зеленоватыми бликами.

– Монахи к тому времени умаялись со мной. Доходов я им больше не приносил, а расходы оказались серьезными. Вот и решили вернуться в орден в Кижич, вынесли из стен все ценное, один я остался. С той поры и живу, вроде и далеко и близко. И вот гостей репой потчую со своего огорода. – Наемник хотел дать ему денег, тот покачал головой. – Нет, незачем. У меня просьба к тебе будет. Мертвец, помолись за меня. Нет, не в храме, просто помолись, и тебе и мне полегче станет. Все равно без веры человек не живет на этом свете, а ты все еще лямку тут тянешь.

– Злой ты, Ремета, злой, – снова улыбнувшись левым уголком губ или скривившись, будто от боли, произнес наемник. – Все равно злой.

– Один я, вот и злой, – усмехнулся скитник. – Как бы кто остаться согласился.

– А ты просишь?

– А о таком надобно? – Пифарь недовольно ткнул наемника в бок, тот попрощался да пришпорил лошадь, поспешая выбраться на тракт. Ремета еще долго стоял подле дома, махая им на прощание, и только потом, когда путники скрылись, ушел в дом, разбирать железо.

Ехали долго, наемник чувствовал, как рвется из Пифаря накопленное, как жаждет поговорить, но только погонял и погонял лошадь, пока совсем не замучил. Таверну они проехали,

не остановившись, норовя поскорее преодолеть темный, холодный бор. Остановились, лишь когда солнце стало клониться к закату, и то потому, что уж очень устала их животина и требовала хоть недолгой, но передышки.

Едва сойдя, Пифарь тут же накинулся с обвинениями.

– Не понимаю, чего ты хотел, поглумиться, пригласив меня в этот балаган? Ведь прекрасно знал...

– Отнюдь. Даже представить не мог, что вы братья.

– Какие, в геенну, братья! Он лжец, подлый, наглый. Заморочил тебе мозги, а ты и рад. И мне вот это выслушивай! Ты хоть понимаешь, насколько мне неприятна и его трепотня, и его наглая рожа?

Мертвец долго молча слушал, пережидая. Потом произнес вполголоса.

– Чего ты разошелся. Если лжец, так не бери в голову. Если нет, так есть о чем подумать.

– А ты и рад ему угодить.

– Мне он так же показался неприятен. Семью вам обоим надо бы, а не в пророки подаваться.

Пифарь подавился словами. Наемник расседлал лошадь.

– Загнал я тебя, красавица. Прости меня, спешил от дурных мыслей избавиться, да вот что натворил.

– У тебя тоже – только с лошадьми и можешь нормально.

– Они долго не живут, – резко ответил Мертвец, принявшись растирать спину лошади какой-то настойкой. – Сейчас передохнем малость, а дальше до перевала пешком.

Поели в молчании, так же и пошли, каждый по свою сторону лошади. Пророк привык к долгим переходам, не отставал, против ожидания наемника; к вечеру они выбрались из бора, а до первых звезд были у перевала. Вскормье начиналось еще в лесу, ели редели, давая свободы другим деревьям и кустарникам. Дорога расширилась, теперь на ней свободно могли разъехаться хоть три телеги. Некогда, поговаривают, у самого въезда в бор стоял лагерь разбойников. Они называли себя проводниками, и без их помощи ну никак через лес пройти не представлялось возможным. Порешили их еще лет двести назад, всех, на этом самом месте, где бор мельчал, оттого, считалось, и появились прогалы в ельнике, да огромная поляна на самом его краю, куда ни одно дерево не хотело даже листьев сбрасывать. Непонятный знак в виде креста с полумесяцем не то обозначал то самое место резни, не то указывал рогами на грядущую кручу. Наемник почему-то хотел остановиться здесь, но пророк упорно двигался дальше. Миновав бор, двинулись среди кустарника все выше к сопкам, тут еще невысоким, но чем дальше на юго-запад, тем выше поднимающимся, а в полутысячи миль и вовсе становящихся непроходимыми горами да скалами, стеной гранита, встававшей на пути всякого, кто пытался пересечь в тех местах границу царства с южным соседом.

Остановились почти на самой вершине. Разом сузившаяся тропа, на которой разве что путники и могли разминуться, петляла, взбираясь на круть, продуваемая извечным северным ветром. Небо посерело, закрылось тучами, снова закапал нудный дождичек. Путники устали, устала и животина, спотыкавшаяся на колких мокрых камнях. Выбрали неглубокую пещеру, вырубленную в обнажившейся скале, забрались, спутав ноги лошади, и принялись за ужин.

– Зря все же остановились у скитника, – произнес глухо Пифарь, уже совсем иным голосом усталого человека, которому не хочется возвращаться.

– Считай судьба. Или испытание. Как глянуть.

– Ты от него заразился.

– Я сам такой же, будто не понял.

– Понял. Теперь мне кажется, я во всех встречных брата угляжу.

– Или сестру, – наемник усмехнулся уголком, но тут же стер улыбку.

– Проклятый Ремета, влез в голову и не отпускает. Будто нарочно. Все это путешествие будто нарочно. И отец молчит. Хоть бы знак какой.

– Он ведь сказал тебе, разбирайся сам, как и что. – Сын божий кивнул, опустив глаза. Вздыхнул.

– Знаешь, будто в первый раз иду, будто всего прежнего не случилось. Куда, зачем? Как слепой щенок. Проклятый Ремета.

Дождь продолжался два дня, то усиливаясь, то стихая, дорога разбухла, спуститься с перевала оказалось делом нешуточным. И хотя с противоположной стороны гребня сопки выполаживались и дорога не так петляла, путники проходили едва день пути за сутки. Шли пешком, давая роздых лошади, большей частью молча, изредка только пророк бормотал что-то, но больше про себя, перебрасываясь с наемником лишь несколькими словами. Ругал Ремету, себя, что остановился, поддался соблазну наемника, затащившего в скит. Шептал молитвы и возводил хулу. А потом и вовсе замолчал.

На третий день свинцовые облака стали расходиться, дождь перестал, выглянуло не осеннему жаркое солнце. Дорога сошлась с трактом, идущим до самой восточной границы и дальше, соединяющим столицы соседних царств. Народу прибавилось: если прежде путники большей частью шли в одиночестве, теперь их догоняли вестовые и всадники, они обходили караваны и повозки селян, а навстречу шел тот же, но чуть более редкий поток людей и животных, везущих грузы, вести, послания, кажется, во все концы земли. Пифарь, редко выбиравшийся из своей пещеры, что прежде, что после возвращения, чувствовал себя не на месте, он так и сказал наемнику: будто иду по Суходолу уже сутки, да только никак знакомых не повстречаю. Поселения стояли все чаще, каждые пять-семь миль. Последний холм, на который предстояло забраться – и вдалеке, у самого неба, появились очертания Кижича. Высокие стены, шпили храмов, вонзавшиеся в низкие облака, будто пропарывающие их, блеск сусального золота на куполах и кокошниках. Столица заметно разрослась за столетие, стены, за которой прежде прятался не только город, но и окрестности, заложенной еще Голвецом, первым царем четвертого царства, уже не хватало, жизнь выплеснулась за пределы и теперь охватывала город кольцом. Леса, прежде окружавшие Кижич, исчезли, столица виднелась издали, со всех дорог, подходивших к ней, что со степей юга, что с гор севера, что с пустынь запада, что с лесов и озер востока.

Неудивительно, что многие путники, достигнув вершины холма, останавливались, молясь или во все глаза разглядывая далекие красоты раскинувшегося перед ним града. Остановились и Пифарь с Мертвецом, наемник не мог сдержаться, спросил у торговца, просветленного одним видом столицы, куда направляются толпы. Тот, изумленно посмотрев на пропылившихся странников, ответил, ну как же, царь возвращается из Урмунда, везет дары республики и многие послабления для царства. И поклонившись земно, двинулся вперед.

Пророк еще долго стоял, не двигаясь с места, привычно молча, затем подошел к наемнику и тихо произнес:

– Мне страшно идти туда. Я буквально разрываюсь на части. Одна говорит мне – ты должен покорствоваться, отец ждет тебя, что б ни случилось прежде, он простил и ждет; но другая, ты понял, кто и зачем стоит за порогом ночи, в небесах, откуда земля видится растворенной в первозданном мраке божественного сияния. Ему, находящемуся в ослепительной тьме, требуется лишь одно, и это одно я боюсь отдать ему.

– Ремета победил.

– Можешь говорить и так. Не стану смотреть в библиотеке, нет, поищу его имя. Ты молился за него, Мертвец? Он ведь просил об этом.

– Не пришлось еще.

– Тогда, если не трудно, сделай сейчас, я подожду, я отойду в сторону.

– Лучше в городе.

– Нет, сейчас. Я не могу войти в Кижич.

– Хочешь, чтоб я потерял сто монет?

– Как будто ты это хочешь сказать, – Пифарь взглянул на него колко и продолжил, повышая голос: – Ты видел, что происходило со мной последние дни. Я ведь верил ему, верил безоглядно, а что выходит? Всего лишь один из многих, солдатик бога. Я боюсь его, Мертвец, очень. Он ведь что угодно сделает, я только теперь понял его слова о мече и разделении. Он крови жаждет.

– Почему ты так решил? Да и кто он?

– Ремета ответил тебе. Царь богов. Мне он благоразумно имени не открывал, зачем пугать, пусть думают, что новый бог, не имеющий ничего, кроме своего сына, который проложит огнем и мечом ему путь на небесный престол. Именно огнем и мечом, иначе зачем мне ученики, зачем воинство, пошедшее на Кижич? Зачем прощение всем, кто последует за мной и во имя меня и отца моего станет разить противников его, неверующих в него, всех, кто не склонит выи, не разрушит храмы, не сожжет свитки.

– Он говорил тебе это?

– Я знаю. Ремета, проклятый расстрига. Отец знал, что я слаб, безволен и ничтожен для воина, что я не смогу убить, но во имя меня все, кого я привел, кто уверовал – о, они смогут. Ведь я немедля после смерти вознесусь, ну какое еще нужно доказательство величия единственного бога и кротости и мудрости его сына, пожертвовавшего собой во славу его? – И переводя дыхание: – Мертвец, я не знаю, что мне делать. Пойти в Кижич значит уничтожить всех, не пойти туда – меня приволокут силой другие или другой, которых орден...

– Орден, – наемник помрачнел. – Багряная роза всегда признавала лишь царя богов, ему поклонялась, ему служила... Проклятье, квестор, ходивший тебя выкуривать из Суходола, и магистр, возглавлявший воинство, они... Ведь какой расчет: я привожу тебя в орден, тебе присягают, тебя убивают, во славу, конечно, ты возносишься... И все это на глазах царя, совета, иначе зачем устраивать балаган.

– Ты думаешь, государь не в курсе?

– Вряд ли. Да какая разница, если править страной захотел орден.

Пифарь осел, наемник едва успел подхватить его.

– Прости, – произнес он, приходя в себя. – Не хотел. Само как-то.

– Может, я по своей природе вижу только плохое. Мятажа не будет, будут просто погромы... а что я говорю. Может ничего не случится, сократят богов и их храмы. – Сын божий вцепился в седло, тяжело дыша.

– Лучше б ты молчал всю дорогу. Или стукнул бы меня по голове в Суходоле, да так и вез.

Рука, нетяжелая, но крепкая, легла на его плечо. Пророк оглянулся. Мертвец сжал губы в тонкую серую линию, неприятно рассекающую лицо: кажется, он пытался улыбаться и хмуриться одновременно.

– Пойдем. Спустимся с холма, доберемся до харчевни, посидим, отдохнем перед столицей.

– А что ты...

– Пошли, – рука толкнула его к седлу. – Забирайся, нам пора ехать. После объясню.

Жидкий лесок, сквозь который их вела дорога на Кижич, сгинул, изведенный на дрова, на лавки, щепу, игрушки. Его место заняли кусты ирги, боярышника, заросли чертополоха, болиголова и разлапистого борщевика. Земли, что не были заброшены, занимали пастбища, поля под паром или под озимыми. Изредка встречались колки, заросшие ивняком, но скорее всего то были кладбища, спрятанные от чужих глаз. До столицы оставался день пути, и это расстояние почти целиком занимали уголья дереvушек, что обслуживали город, поставляя все

необходимое к столу. С севера подходил водовод, с юго-запада везли древесный уголь, пережигаемый днём и ночью в печах. Оттуда же, с сопков, ставших горной грядой, несли самоцветные камни, с востока двигались караваны с берестой, грибами и ягодами. Столица пожирала все в нее ввозимое, и пожранное отдавала Черной реке, проходившей мимо ее стен. Народу прибывало с каждым днем, возвращался после полугодовой отлучки царь, собиравшийся отметить пышными пирами и празднествами удачное путешествие в Урмунд, а потому всякий житель страны, имевший возможность добраться до Кижича, спешил туда. Постоялые дворы переполнялись уже на подходе, что говорить о самом городе, и хотя точная дата возвращения еще не объявлена, народ поторапливался в столицу: раз выбравшись, прикупить подарки домочадцам, друзьям и знакомым, проверить дела или сходить в храм, очиститься, ведь, как известно, столичные храмы особенные. Столичное все особенное.

За ночевку на трехместной кровати с путников попросили по две с половиной монеты, да еще по монете за харчи. Двадцать медяков стоил прелый овес и солома лошади, та даже есть не стала, предпочла переждать. Ну а сидевшими на ее хребте голод переносился куда неохотней, потому оба – и наемник, и сын божий – давясь, похлебали бульон с мясными шариками и солянку, после чего отправились на покой на узкой кровати, где, кроме них, уже устроился храпеть дородный пузан-купчина.

Пифарь проснулся первым, рваный сон только одурманил голову, вышел в сени. Подремал с часик на лавке, поджидая наемника. Тот медленно выбрался из спальни, растирая бока, затекшие после сна на подгнившем свалывшемся тюфяке. Отказавшись от еды, стал собираться. Пифарь, понимая без слов, следовал за ним тенью. Только когда двор остался позади, наемник заговорил.

– Не хотел тревожить раньше времени. Думаю, сыскал план как избавиться от небесной опеки, да и земной тоже. – Пророк глядел на него во все глаза: – Придется нарушить заповедь. Одну, главную и единственную стоящую, – Мертвец похлопал себя по груди, где всегда держал оружие. Пифарь побелел.

– Ты предлагаешь мне... – запнулся, не в силах закончить.

– Именно. Ты чист, и чистым должен предстать и перед орденом, и перед отцом. Два суда пройти. Придется оба нарушить.

– Я никогда не сделаю подобного, – пылко произнес он. И добавил уже глуше: – Не смогу.

– Сделаешь. Это на первый взгляд страшно. Я расскажу, как проще, и дам то, чем сделать проще, – наемник покопался в дорожной суме, вынул с самого дна завернутый в холст кинжал и подал Пифарю. Тот долго смотрел на лезвие, резную рукоять, не решаясь взять, покуда Мертвец сам не впихнул оружие в руки. – Тебе надо измараться. Ты сам понимаешь, надо. А этот подходит лучше всего.

– Что это?

– Нож-кровопийца, – знакомая усмешка, кажется, чуть подбодрила впавшего в немое оцепенение пророка. – Пыточное орудие, или для долгой смерти, кому как. Смотри...

– Не говори ничего.

– Иначе не поймешь. Лезвие трехгранное, в зазубринах. Рана от такого не заживет, больше того, сам кинжал поди выдери, с таким куском мяса выйдет, что лучше уж оставить умирать. Здесь, – он указал на гарду, – находилось кольцо, с его помощью можно регулировать ток крови из раны, понятно, тебе это ни к чему, вот я и снял. Достаточно вонзить по рукоять в тулово, в любую часть, и все. В руке лежит, равновесие не нарушено, ну, попробуй же.... Даже у тебя как влитой.

Пророк с нескрываемым ужасом смотрел на кинжал. Затем перевел взгляд на Мертвеца. Тот знакомо улыбнулся.

– Годно. Поехали вот к тому дереву, попробуешь в деле.

Они сошли с дороги, добрались до кряжистого вяза, наклонившегося над ручьем. Наемник повесил на сук одну из переметных сум, крепко привязав к ветке. Чуть не силком заставил сына божьего вонзить кинжал. Пророк попытался выдрать, но только стащил суму.

– Для первого раза нормально, – Мертвец занялся застрявшим лезвием, осторожно освобождая от кож. – Думаю, ты разобрался.

Пифаря трясло, будто и впрямь замарал руки в крови. Пророк смотрел на наемника как на прокаженного. Наконец произнес, едва разлепляя губы:

– Кого?

– Кого решишь. Это неважно. Возьми, вот чехол, крепится к руке, вот здесь, осторожней, не натри подмышку. Тут его не найдут, даже если станут обыскивать. Хотя тебя точно не будут.

– Но если я... получится, будто я покараю от имени отца.

– Пусть думают. Главное, отец не примет тебя.

– Мертвец, а если все равно примет? Ведь ему не я нужен, а паства, территории, страны, правители.

– Зачем ему правители? Богу требуются лишь духовные воздаяния, а что с богатого, что с бедного – спрос один. Ты сам говорил. – Пифарь помолчал, потом медленно повернулся и пошел к дороге.

– Может, ты и прав. Но я не хочу рисковать, мне надо все обдумать.

– Давай, обдумывай. Но от ножа не избавляйся, он для тебя последнее слово. – Пророк как-то странно взглянул на наемника, затем резко кивнул, казалось, голова дернулась сама по себе.

– Ты прав. Последнее слово, – и стал забираться на лошадь.

Город начался незаметно. Стали появляться двух, трехэтажные дома. Улицы замостились сперва досками, затем булыжником. А вскорости показались и стены крепости. Видные издали, в предместьях они терялись – так плотно стояли дома, такими высокими стали. Столица, как только ее перенесли сюда, не знала осады, последний раз сам городок подвергался налетам южан больше четырех веков назад, считаясь одним из самых спокойных мест царства; неудивительно, что Голвец ничтоже сумняшеся переехал из грязного, злочного, тлетворного города в новый, молодой, окруженный лесами и холмами. Верно, в его времена здесь были действительно красивые виды, о которых слагали оды тогдашние поэты, которые прославляли художники и резчики. За двести лет все изменилось. Возник и разросся город, исчезли виды, а жители привычно предавались тем порокам, от которых бежал правитель, заставив своих присных выбирать между тлетворной красотой старой столицы и суровой нынешней. Вряд ли кто воспротивился, челядь поспешила за господином и столь же быстро перенесла в Кижич прежние развлечения и удовольствия. Сам Голвец, удаляясь в монастырь, уже успел застать их.

Внутри каменных стен крепости путников пустили без вопросов, хотя суровая охрана на въезде строго просматривала каждого въезжающего, но никого не трогала. Старый, давно не исполнявшийся указ, вошедший в привычку? – все возможно. Ведь тридцать лет назад перед стенами простирались незаселяемые участки земли, локтей на триста шириной – именно тут обосновалось воинство сына божия. Теперь место застроено новенькими деревянными или каменными домиками, схожими один с другим как две капли воды.

Мертвец не раз был в столице, равно как и Пифарь. Но если для наемника последние посещения уложились в две недели, то между прибытиями сына бога промелькнуло четыре десятка лет. Последний раз он приехал с родителями, когда дела пошли из рук вон. Отец собрал семейство в столицу, там лучше знают, какому богу поклоняться, чтоб выбраться из долгов. Пророк с интересом осматривался по сторонам, до потери шапки разглядывал башни и шпили, несколько раз просил остановиться, запечатлевая особо прекрасный вид на храм, дворец, коло-

кольню. Наконец, когда лошадь довезла их до новой стены, крепости ордена Багряной розы, попросил остаться здесь, он пойдет один.

– Вот еще, – возмутился Мертвец. – Мне не доплатили.

Пифарь обернулся, собираясь объяснить, но смолчал и покорствовал. Так, вместе, они вошли внутрь, стража провела их в покои сперва квестора, кажется, куда больше обрадовавшегося наемнику, нежели его добыче, и, наконец, представила магистру. Глава ордена самолично отсчитал наемнику нужное количество денег, а после перешел к допросу Пифаря. Тот отвечал честно, признавая, да, это он именуется не иначе как сын бога, и тридцать лет назад пытался войти с учениками и паствой в столицу. Заминка возникла, когда магистр попросил пророка представить ему еще одно доказательство – сотворить чудо. Как ни увещевал главу ордена Пифарь, тот оставался непреклонен. Мертвец, взвешивающий изрядно распухший кошелек – странно, что до сих пор с ним не попрощались, – тут же вклинился.

– Магистр, он вправду не сможет порадовать тебя. Я сам тому свидетель, не лучший, но какой есть. У сына божия имелось много поводов явить чудеса, заткнуть рты сомневавшихся, но ни разу я не видел подобного. Его слова об отнятом даре истинны, и я бы не хотел, чтоб в моем пленнике сомневались.

– Это усложняет наше предприятие, но не сильно, – вполголоса произнес магистр. – Наемник, ты можешь идти, я не задерживаю тебя более.

– Если позволишь, на два слова наедине с пророком. Вести мне его некуда. А поговорить надо.

Пифарь с удовольствием отошел к противоположной от магистра стене. Мертвец увлек его в каменную нишу, чтоб и по движению губ невозможно было догадаться об их разговоре.

– Не забывай о моем подарке, я думаю, тебя заставят говорить перед всем орденом, может, будет сам государь, кто знает. Да и людей соберется немало.

– Я помню, и я решил, как его использовать. Да, не сомневайся, использую. Я, – он смущенно затеребил кожаный жилет наемника, – я вот в чем признаться хотел напоследок. Понимаешь... Отец, я не любил его никогда. Я о небесном сейчас. Да, наверное, и о земном. Столько лет вместе, впустую потраченных лет. Я не понимал его, он меня. А с небесным, верно, то же, он требовал, я подчинялся, я уважал, я страшился прогневить, сделать не так, я, да что угодно, но не любил его. Не получалось. Хотя... я ведь никого не любил. Ученики мне нравились за славословия, за поддержку, за якобы понимание, за то, что верны и послушны. Жена за умения и иногда тоже поддержку, дочь... вот, наверное, ее я пытался любить. Да что-то не получилось. Правда пытался. А вон как – даже попроситься не сумел. Разве что придет посмотреть на казнь.

– Быть может, к лучшему, если не придет.

– Ты думаешь?

– Я надеюсь. – Они обнялись на прощание, Пифарь почувствовал, как рука Мертвеца коснулась его ножа-кровопийцы, а губы прошептали: – Помни, один удар, другого не будет.

– Благодарю, я помню.

И расстались. Пифаря увели в комнату магистра, Мертвец же отправился на ближайший к храмовой площади постоялый двор, снял себе место на кровати и принялся ждать дня закланья, которое все откладывалось и откладывалось – государь никак не торопился с возвращением.

Наконец, прибыл. Торжественный проезд через Западные врата, специально открываемые в таких случаях: ведь когда-то Голвец именно через них внес в город две вести – о даровании городу столичного звания и о вечном мире с Урмундом. И пусть царство стало доминионом последнего, советники царя выторговали немало стране – собственную армию, и деньги, и вольности в управлении. Вот теперь новый шаг: республика даровала монашеским орденам и вольным городам немалые поблажки. Кто знал обстоятельства, сложившиеся в городе горо-

дов, не удивился щедрым воздаяниям: ведь сейчас консулу Урмунда требовалось много союзников, дабы сохранить свой пост от изгнанного племянника, которого поддержало несколько легионов и две провинции. Республика готовилась к гражданской войне, первые стычки уже начались. Но здесь, в тысячах миль от полей битв, возможное участие царства в чужой войне никого не занимало, тем паче толпу, приветствующую государя.

Наемник проходил вдоль людской массы, выискивая знакомые лица – вот этот человек из Суходола, этот тоже, этого он видел при переправе через Одрату, того встречал позже, на постоялом дворе. Память у Мертвеца отменная, он хорошо помнил лица, предметы, оружие и особенности всякого, а еще слухи, новости и сплетни, в последнем ему могла позавидовать любая базарная кумушка. Умения, полученные на службе, отточились за время наемничества, подобно булатной стали после многократнойковки. Он и сам ощущал себя тенью, мелькающей то здесь, то там, в поисках одного лица, не дававшего ему покоя. К сожалению или к счастью, так и не увиденного.

Прибытие царя пришлось на середку дня, вечером обещали состязания поэтов в амфитеатре во славу государя и отечества, салют и на следующий день конные состязания, и самое главное – бои преступников на арене все того же амфитеатра. А глубоким вечером орден давал собственное представление на храмовой площади. По тому, что Пифаря не пустили на сцену, Мертвец понял – сыну божию не сильно доверяют, хотя объявления о прибытии пророка в Кижич развешаны на каждом столбе. Верно, дадут немного поговорить и порешат, после чего жертву заключит в объятия отец, а облеченный дарами орден начнет свое шествие. Интересно, смог ли магистр сам договориться с божеством или только через его сына? Очевидно, загадка разрешится во время самого представления.

Храм царя богов алтарным приделом врезался в стену орденской обители, входом и двумя крыльями – библиотекой слева и причтом справа – образуя площадь, на которой могло разместиться с четверть населения города, около двадцати пяти тысяч человек. Сейчас на ней не было и двух, люди вольно прохаживались вдоль статуй святых подвижников ордена, поглядывая на спешно сколоченное на лестнице возвышение. Оттуда и надлежало вещать сыну божьему. Монахи не рассчитывали на большое скопище, скорее на слухи, быстрее молнии расхлывшиеся по любому крупному городу. Обычно всякое речение высоких лиц исходило с балюстрады храма, либо второго либо третьего этажа, но понятно, орден решил нажиться и на самом представлении – наверняка через пару недель можно будет увидеть в продаже в храмовых лавках щепу того самого помоста, с коего вознесся пророк. А ее тут на десяток подвод.

В наступающей тьме, которую скудно разрезали светом только редкие факелы, наемник углядел нескольких арбалетчиков, занимавших позиции на втором-третьем этажах храма. Видно, их и принесут в жертву.

Наконец, грянули фанфары, вышла вся орденская знать. Магистр, не пожелавший показывать себя толпе, начал речь от колоннады, остальные прошли на помост. Слова цедил по каплям, сразу видно, не его идея, не его желание, вот только охота велика. Как ни вертел Мертвец головой, Пифаря все не видел. Наконец, понял, почему магистр не выходит – пророк стоял именно за ним, и как только глава ордена отстранился, сын божий вышел на свет. Толпа возликовала, народу чуть прибавилось, где-то тысячи три. Главы ордена поклонились пророку, впрочем, всего в пояс, и тут же покинули помост, присоединяясь к магистру, ведь желающих увидеть все своими глазами ему еще только предстояло убедить. Но удочки уже закинута – когда Пифарь выходил, кто-то оставшийся незамеченным полыхнул пламенем поверх его головы, затем понизу; народ зашебуршился, заволновался, хлопки и крики гулко разнеслись по площади. И тут же смолкли, едва пророк остановился на помосте. Внимание и народа и убийц сосредоточилось на Пифаре.

– Братья мои, – начал он закланную речь. – Тридцать лет назад услышал я впервые голос отца моего, царя богов, и с той поры потерял сон и покой. Он с нами, он хочет, чтоб вы знали

об этом, он посылает меня сказать вам слово его. И я не смел отказаться, да разве ж можно помыслить об этом! – Мертвецу показалось, сейчас пророк начнет свою привычную проповедь часа на полтора, и пока Пифарь ожидания эти оправдывал. – И я пошел по городам и весям, неся словом божие, неся силу и славу его, подкрепляя слова его чудесами. Мне растворялись ворота, мне распахивались двери и за мной на стольный град Кижич пошли сотни, тысячи уверовавших. И в самой столице не меньше собралось ждущих меня. Но я испугался. Гарнизон преградил мне путь, и я не посмел стереть его с лица земли, не посмел противиться воле отца моего, сказавшего: да не будет сын мой убийцей, лишь убитым ему быть, и за эту смерть отмстится всемеро. Долго стоял я пред стенами Кижича, не зная, что делать, покуда братия не стала расходиться, разуверившись и во мне, и в отце моем, покуда отец мой не велел мне уходить. Вы знаете, а многие и помнят, что случилось дальше. Тридцать лет я провел в изгнании и затворничестве, разогнал учеников, прогнал жену с дочерью. Но три недели назад снова явился отец небесный, сказавший: вот идет за тобой человек, и он приведет тебя в Кижич, и тогда я прощу тебя. Я пошел с ним, молясь лишь об одном, чтоб отец вправду принял и простил. И в дороге я мыслил лишь так, покуда не встретил брата своего, сводного, рожденного отцом моим небесным месяц в месяц со мной, скитника по имени Ремета, от него узнал я: не одного готовил меня господь на заклятие. Не одному мне поручил вести вас, и не первый раз. – Среди наставников ордена началось шебуршение, но его заглушил все нараставший гул толпы.

Наемник пристально следил за магистром, совсем ушедшим в тень, за еще остававшимся в свете факелов квестором, медленно пробираясь поближе к ним. Оба, замерев, смотрели на Пифаря, не веря, не сознавая, что говорит он, а потому не решаясь прервать. Женский выкрик откуда-то слева, арбалетчики замерли. Пифарь заторопился.

– И до меня многие сыны божии считали себя пророками его воли, но оказывались лишь вброшенными в игру картами. Со мной царь богов решил поступить иначе, он дал мне всё в тот момент, когда я не имел ничего, и я с готовностью побежал исполнять его волю. – Магистр вышел из тени, принялся отдавать приказы, за спиной Пифаря прошло шевеление. Мертвец не выдержал, выкрикнул: «Быстреей!». И двинулся вверх по лестнице.

– Волю к абсолютной власти единого бога, готового порушить все и уничтожить вся, кто воспротивится ей. Знайте, братья, меня сейчас попытаются убить, с тем, чтобы я вознесся к его престолу, чтобы вы уверовали в отца, и пошли изничтожать других людей, не поверивших словам вашим. Вы как стадо пройдете по цветущему лугу и превратите его в пустыню, – и совсем другим голосом: – Я проклинаю тебя, отец мой небесный, не получишь ты ничего, как и прежде! Прочь!

Пифарь выхватил нож-кровопийцу и с маху всадил себе в грудь. С шипением из отверстия в рукояти выхлестнулась кровь.

– Я проклинаю тебя, убийца, и убиваю себя, чтоб ты не смог убивать... – голос стих до шепота, а затем и вовсе прекратился. Стрела свистнула, пронзив шею пророка, тот покачнулся и тяжело рухнул на доски лицом вниз.

Звездное небо, начавшее чернеть при первых угрозах сына божия, теперь превратилось в деготь. Грохот содрогнул его, молния ударила в помост, с шипением вонзаясь в тело пророка. Свет ее оказался столь ярким, что все, включая и наемника, отвернулись, закрывая глаза. Чудовищный силы грохот вдавил пророка в булыжную мостовую. А свет все не угасал, молния продолжала шипеть, впиваясь в тело. Мертвец нашел в себе силы проползти до колоннады и укрыться там.

В этот миг гром утих так же неожиданно, как и возник. Молния же продолжала впиваться в помост, а затем, шипя, величаво устремилась ввысь, увлекая за собой тело Пифаря, свет чуть померк, чтоб оглушенные горожане могли хотя б одним глазком видеть происходящее. Невозгораемое тело поднялось на высоту уже в десять локтей, перевернувшись лицом вверх.

И в тот момент, когда пророк достиг высоты фронтона храма, молния с треском распалась, разорвалась на множество частей, искр, которые спешили гаснуть, опускаясь наземь, подобно излившимся фонтанам салюта. Тело Пифаря шлепнулось о доски, ничуть не потревоженное безумно ярким небесным пламенем, лишь залитое собственной кровью.

– Проклятый самоубийца, что ты наделал?! – Крик квестора прервал наступившую тишину, и этим снял заклятие с пришедших. Народ очнувшись, ринулся с площади. Несколько мгновений, и она оказалась пуста.

Квестор на одеревеневших ногах взошел на помост, склонился над пророком. Едва нашел силы подняться, опираясь на дружинника, распорядился убрать тело. Факелы замелькали вокруг, кто-то заметил Мертвеца, подтащил к квестору, тот даже не удивился появлению наемника.

– И ты тут.

– Я должен был увидеть.

– Ты его убедил.

– Не я. Больше всего брат. Он ведь ходил в библиотеку, – наемник глядел в белое, точно саван, лицо квестора, тот не отрывался от поднятого на спеленатых копьях тела Пифаря. – Все прочел, все понял.

– Какая теперь разница, – едва слышно произнес он. – Какая... разница, – слова давались с невообразимым трудом. – Я верил в него.

– В Пифаря?

– Не называй так сына божьего... Я верил. Тридцать лет. Лучше б сдох верующим, чем так...

Квестор рванул на себе рубаху, раздирая до живота, вынул из-за пояса кинжал и, через силу поднимаясь по ступеням, вошел в храм. Мертвец отвернулся, забормотал слова отходной молитвы. Закончив, спустился по ступеням, растворился в черноте площади.

Опоздавшие к богу

– Сколько?

– Четырнадцать лет, – невысокий, тонкий, как тростник, советник шел стремительно, не оборачиваясь, будто сам с собой говорил. – Завтра исполнится. Надеюсь, вы быстро доберетесь до храма огня в Тербице. Прямой путь туда занимает неделю. Но посылать по нему вас опасно, хоть мы и получили радостные вести. Голубь принес: верные нам дружины отбили атаку отщепенцев князя, долго преследовали их, уничтожили не меньше тысячи, – второе лицо в государстве, наконец, повернулся к Мертвецу, худое, показав бледное лицо изборожденное складками, покрытое тенью сомнений и тревожных дум. – Ты ведь сможешь провести царевича окольными тропами к храму?

– Он хоть себя сумеет защитить?

– Как любого отпрыска княжеского рода, его обучали искусству воина с семи лет. Наемник, ты должен это знать, ты родился в нашей стране.

– Мило, что напомнили. Я покинул ее в два года, – и улыбнулся левым уголком губ.

Коридор кончился, они вышли на широкий двор подле крепостной стены: тяжелого строения, сложенного из гранитных кирпичей высотой в половину человеческого роста и шириной в косую сажень. Крепость, построенная в незапамятные времена, пережила столько осад и приступов, что и сосчитать трудно, вся история ее испещрена метами прошедших битв за обладание Опаи, столицы кривичского царства.

Посреди мошеной грубым булыжником площади сколотили небольшое возвышение, сейчас на нем находился темник, несколько сотских и печатников, все в парадном облачении: в темных плащах, подбитых горностаем. Перед ними около полусотни отроков, не достигших и семнадцати, в серых одеждах обращаемых. Колкий ветер гулял по двору, наемник поежился холоду воспоминаний, воспроизводимых перед ним. Десять лет назад, даже месяц тот же, только страна другая. А слова, они не меняются.

– Юноши, избранные хранителями города, к вам обращаюсь я в годину суровых испытаний. Отныне вы защита и опора не только столицы, но и всей Кривии, всей, и прежде всего той, что отдана ныне на откуп мятежникам. Трудами, чистыми помыслами и душами вы избраны в стражи, и теперь осталось вам произнести клятву верности, чтоб стать достойными гражданами. Повторяйте за мной: «Верой и правдой, мечом и умением...».

Стоявшие в последнем ряду зашевелились.

«Куда тебя, как ты думаешь? – спросил один, его друг пожал плечами. – Искренне надеюсь, что на стену, и кормят хорошо и уж до Опаи точно враг не дойдет. А ты? – Мне в дозор. – Зачем же? – Лучше стоять наверху, – кивок в сторону темника, – чем тут, ожидая своей участи. В дозоре быстрее всего получится переменить плащ и заслужить звание».

Советник поторопил его. Мертвец, запахнувшись, прошел площадь, и, склонив голову, вошел в узкую дверь, оказавшись перед узкой винтовой лестницей смотровой башни. На самом верху их ждали. Бездержавный управитель Кривии, седовласый мужчина средних лет в простой льняной рубахе и жилете нараспашку, несмотря на холод конца зимы, пустыми глазами встретил вошедших и снова уткнулся в разложенную на грубом столе подробную карту окрестностей. Подле него стоял верховный жрец бога огня, лишь золотая заколка в высокой прическе выдавала его звание, и плечистый дородный охранник, прятавший кинжалы на поясе и в высоких сапогах. Ветер гулял меж узких окон, которые никто не спешил закрывать. С противоположной стороны стола находились губной староста города с церемониальным ключом от застенков на поясе, а подле него мальчик, по виду лет десяти, кутающийся в теплый плащ и мнувший шапку в руках. Он то порывался нацепить ее, то прятал за спину.

Мертвец остался на пороге, советник подошел к господарю, представляя вошедшего. Отец кивнул наемнику, а затем в два шага оказался подле сына, обнял, излишне крепко прижав к себе, а затем резко отстранил, так что мальчик едва устоял на ногах. Наемник пристально смотрел на это проявление чувств.

– Ты тот самый человек, что в прошлом году привез лжепророка в Кижич, устроив смуту нашим врагам? – неожиданно обратился к наемнику жрец. Мертвец кивнул. – За это отдельное тебе спасибо – тамошний орден теперь перестал поставлять Бийце своих мечников.

– Скажи, – перебил его господарь, – чем занимался ты все это время?

– Убивал чудовищ. За это неплохо платят, что здесь, что в Урмунде.

– Но разве чудовища не исчезли сотни лет назад? – вмешался жрец. Наемник пожал плечами:

– Смотря какие. Некоторые не переведутся до самого судного дня.

– От них ты и будешь ограждать мое сокровище, – без предисловий произнес Тяжак. – Вот он, будущий царь над страной нашей. Знаю, Пахолик, на непростые времена придется твое царствование, да уж что поделывать, не нам выбирать. Нам всем сражаться. Ну что, наемник, повидал моего сына, что скажешь теперь?

Мертвец долго молчал, разглядывая сперва одного, затем другого. Перевел взгляд за окно, по-прежнему размышляя. Распогодилось, в свинцовой пелене туч стали появляться просветы, снег перестал крошиться. В городе он таял, едва касаясь почвы, еще не пришедшей в себя после холодной, но малоснежной зимы, но в лесу, что раскинулся в миле от крепости, все еще лежал чернеющими сугробами. Какой-то всадник в темно-синем плаще торопился в город, верно, вестовой.

– Мне не все ясно, – наконец, произнес он. – Господарь, ты думаешь пустить нас лишь втроем в Тербицу?

– Вижу, тебе объяснили не всё. Вы поедете с Дориношей, телохранителем царевича, окольной дорогой. Путь пройдет через Сизую долину, а добравшись до заставы в Тернополе, вы повернете на запад, проедете лесами к Тербице, так, чтоб к исходу второй недели выйти на тракт возле деревни Обара. Никто, кроме здесь собравшихся, не знает, куда и кто отправится, все думают, царевич с воинством отправился на коронацию еще неделю назад. Горожане проводили его, не ведая, что через день мой сын тайком вернулся назад, а обоз отправился далее, отвлекать внимание дозорных князя Бийцы на себя. Теперь понятно, почему вы едете втроем окольной дорогой, в одеждах простецов?

Наемник кивнул, снова взглядевшись в царевича. Что-то ища в его лице, знакомое, понятное – то было ведомо только ему и осталось с ним. И тот же неотрывный взгляд был подарен телохранителю.

– Теперь понятно. А ты, господарь, отчего не отправился с караваном?

– Нельзя оставлять столицу без управителя в такие дни, – вдруг резко произнес жрец. Остальные, будто сговорившись, закивали, шапки заходили вверх-вниз, сгибаясь под собственной тяжестью. – Дозоры Бийцы замечались нашими отрядами в четырех днях пути от столицы, они подбираются все ближе, они ищут слабые стороны, того и гляди войско князя двинется с Косматых гор в наши пределы.

– Прости, что задаю новый вопрос. Но от Косматых гор до Тербицы всадникам пять переходов.

– Они совсем недавно подходили к Тербице, да все и полегли. – Наемник кивнул, значит, слова советника правда. – В городе тьма пеших, да тысяча всадников, туда он не сунется. А вот дорогой может случиться всякое, оттого я и посылаю вас кружным путем и без всадников...

– Я понял, тебя, господарь.

– Но сомнения, я гляжу, остались, – заметил управитель. И обращаясь к сыну: – Пахолик, покажи ему, как ты владеешь мечом.

Стоявшие подле княжича молча расступились. Мальчик вышел вперед, поклонился, как положено, не слишком проворно вынул из ножен короткий меч, сделал несколько замахов, какие обычно показывают отроки, начавшие обучение ратному делу. А после бросил меч, целясь в филенку входной двери. Лезвие врезалось в камень стены в ладони от цели; оружие со звоном упало на пол. Смутившись, Пахолик подбежал за ним, да отец оказался проворней, сам поднял и подал меч сыну, похлопав по плечу.

– Еще два вопроса, – сухо произнес Мертвец, не глядя на господаря, – сколько мне выплатят сейчас и когда отправляться?

Крепость все трое покинули подземным ходом, а далее городскими задворками, закоулками добрались до опушки леса, где их поджидали сам бездержавный управитель да жрец. На сборы господарь дал сутки, за это время наемник успел услышать об истории оставленной им очень давно родины многое: нужное и нежеланное. Как умерла царица, и престол остался свободен, как ее муж не мог взойти на трон, ибо не принадлежал роду князей Кривии, а сыну их еще не исполнилось четырнадцати, чтоб короноваться по законам царства. Подговоренный деньгами и посулами Совет объявил Тяжака управителем земель при малолетнем царевиче, но решение стало поперек горла двоюродному брату умершей, князю Бийце. Он заявил права на трон и в короткий срок поднял смуту по всему юго-западу. Его претензии поддержали в соседнем царстве, из Кижича к засевавшему в Косматых горах воинству князя шли обозы с оружием, провиантом, отправлялись добровольцы, переходили границу недовольные, еще при отце царицы изгнанные из страны, а теперь, подкупленные обещаниями, решившие вернуться и отмстить. Войско выходило разношерстным, плохо обученным, первый год с ним справлялись легко, не воспринимая как серьезную угрозу. Даже изгонять Бийцу из страны не желали, будто давая ему время одуматься и, склонив выю, придти самому сдаваться и не перечить управителю. Но годы следующие вышли, как назло, недородными, худыми, налоги пришлось поднять чуть не вдвое, народ возроптал. Находились смутьяны, в том числе и жрецы, что винили во всех бедах управителя и его самодурство. К восставшим переходило все больше народа, справляться с ними становилось все труднее, самым сильным ударом стал переход первого города на сторону Бийцы – а вскоре и вся область окрест Плевелья присягнула ему на верность. Тяжак после долгих уговоров отказался от единоличного господарства в пользу Совета, назначил новых наместников. Не помогло – наместники открыто противились Тяжаку, города на западе открывали ворота Бийце. Завершение смуты виделось в спешной коронации отрока, это должно было успокоить возмущенных смердов. Если только другой претендент, стоявший с войском в пяти переходах от Тербицы, но не в силах все эти два года взять ее, каким-то образом не сумеет пробиться в залы храма огня раньше. Ведь простецам все едино, кто правит страной, так случалось и прежде: смуты исчезали, стоило одному из претендентов покрыть голову короной. Неудивительно, что Тяжак, прежде оттягивавший коронацию насколько возможно, сперва до двадцатилетия сына, потом до шестнадцатилетия, теперь поспешил объявить о торжествах.

Во время сборов случился казус. Наемник прибыл на лошади, а в Кривии искони принято ездить на конях, пришлось менять верную подругу на четырехлетнего жеребца господаря. Явно слишком дорогого для простых горожан, спешивших в храм бога врачевания, что в деревне Обара, дабы отмолить отрока, страдающего падучей. Такое объяснение поездки, придуманное жрецом бога огня, не пришлось по душе никому, но от наряженного в белые одежды мальчика уж точно отвалилось бы и самое пристальное внимание. Скрепя сердце Тяжак согласился, щедро одарив напоследок сына заговоренными амулетами, целебными кольцами и цепочками. Обняв последний раз, отпустил, мальчик тяжело, будто уже вжившись в роль, взобрался на коня, поерзал в седле и кивнул. Странно, за все время прощания Пахолик

не произнес ни единого слова, да и прочие старались говорить поменьше, будто за ними могли наблюдать чьи-то недобрые глаза.

Жрец благословил царевича, телохранитель тронул коней, тягостное расставание завершилось.

Конь, везший самую легкую ношу, торопился вперед, будто окрыленный свободой, двое других, нагруженных еще и провизией, не поспевали за ним. Дориноша хотел поспешить, да Мертвец остановил его, коснувшись руки. Телохранитель обернулся.

– Я все это время вспоминал, откуда мне знакомо твое лицо, – произнес наемник вполголоса. – Ты давно служишь Тяжаку?

– Десять лет. Он доверил мне своего сына.

– Ты ведь не местный. – Тот кивнул. – Из Урмунда?

– Как и ты. Но я не знаю тебя, наемник. Лишь слышал разные байки о твоих подвигах, за которые господарь решил пригласить тебя. Скажу сразу, идея эта мне не по душе.

– Мне тоже. Даже не потому, что нас всего двое на две недели пути мимо чужих дозоров. Я вспомнил тебя. В свое время ты был палачом в армии Урмунда, десять лет назад, помнишь? А я оказался твоим пленником.

Дориноша резко остановил коня, пристально вглядываясь в наемника. Наконец кивнул.

– Ты плохо сработал тогда. Надеюсь, сейчас будешь работать лучше. – Телохранитель, не ожидавший подобного окончания фразы, только молча кивнул. Мертвец ударил в бока жеребца, догоняя царевича. Конь Дориноши всхрапнул, устремляясь следом, телохранитель поравнялся с попутчиком.

– Я могу объяснить, почему так вышло, – негромко произнес он. Воспоминания давили, не давая словам воли. Но наемник не обернулся, только головой покачал.

– Спрошу, когда придет время, – и, подгоняя коня, приблизился к Пахолику. Тот обернулся, слышал или нет последние слова, сказать сложно, на взволнованном мальчишеском лице отображалось столь сложное переплетение эмоций, что выделить одну не представлялось возможным. Тут и тревога за неопределенное будущее, и какой-то бурлящий восторг, детское веселье по случившемуся приключению, волнение после расставания с отцом и еще многое, что намешалось в юной душе, и что никак не могло найти себе выхода, лишь краснея пятнами румянца на щеках.

– Ты слишком спешишь, царевич, – начал Мертвец, но тот перебил, едва переводя дыхание, произнес сам:

– Прошу, называй меня княжич, так всем проще.

Больше суток наемник не слышал голоса царевича. Казалось, сегодня Пахолик и вовсе не сможет ничего произнести, волнение так перехватывало горло, что и эти слова он произнес с трудом, часто дыша. Дориноша подъехал, с ним мальчик почувствовал себя немного спокойней, румянец начал спадать.

– Как скажешь, – молвил Мертвец. – Но не отрывайся далеко от нас. – Пахолик кивнул, зачистил с обещанием, и тут же смолк. – За Озерами будет деревня, половина которой опустела, жители перебрались на другой берег ручья. Там мы и заночуем. И еще – в первые дни я стану закупать товары в лавках, вас с Дориношей здесь, верно, хорошо знают.

– Должно быть, – немного помолчав, ответил мальчик, теперь, когда все трое коней перешли на медленный шаг, он взял себя в руки окончательно. – Отец часто возил меня на охоту в эти края, за Озерами дивные леса, стародавние уголья моего деда... Мне не нравилось, – вдруг решительно добавил он.

– Отчего так?

– Травить зверей не по мне, нечестно. У нас и собаки и пики и нас много, а лоси да вепри, они что... да, грозная животино, но одна. Если б один на один, но отец никогда не отпускал меня, да и подобное считается уделом смердов. Наверное, я говорю что-то не то. У меня сухотка

с детства, на правой руке, ведуны ее лечили, вроде побороли, да видишь, Мертвец, я все больше левой, а как правой вчера бросил меч, так и не попал. Я специально правой удары показывал... жаль, не сообразил, что ты не знаешь, думал тебя удивить, а вот не вышло.левой я куда лучше и мечом и кинжалом владею.

– Теперь буду знать. А как двумя руками?

– Мне привычней одной... но я тебе покажу, обязательно. Ты сомневаешься во мне, я вижу.

– Нет, княжич, я думаю о нас с Дориношей.

– Наемник! – голос отрока прозвенел металлом. – Ты забываешься. Я не тот старый пророк, которого ты вез в Кижич, я могу постоять за себя, – и снова бросился вперед, погоняя коня.

– Прости княжич, ты прав.

Днем сбавили ход, а к вечеру остановились у Озер, передохнуть. Царевич не привык к долгим переходам, конечно, он не показывал виду, да подобное не скроешь. Хорошо, отец положил в переметные сумы все, что могло и не могло понадобиться, в том числе и растирки. Наемник улыбался уголком губ, невольно вспоминая схожую историю со старым пророком, Дориноша косо посматривал на него, но Мертвец молчал, промолчал и телохранитель.

Ближе к полуночи они добрались до опустевшей части деревни, когда и собаки брехать перестали, погрузившись в непроницаемо черные сны. Небо высыпало на удивление яркими звездами, крупные скопления их то здесь то там пятнали молочной белизной черноту над головой. Захлодало, деревья окутал иней.

Стараясь не оставлять заметных следов, троица пробралась к ближайшему амбару с прелым сеном, там, а не в промерзшей насквозь избе, они и заночевали. Кони некоторое время тихо ржали, переговариваясь, а после так же забылись кратким сном. На заре, немного припозднившись по нынешним временам и местам, встали, наскоро перекусив, поспешили в путь. Царевич, собираясь, все хотел показать наемнику свои финты и выпады, всю ловкость левой руки, тот еле отговорил. Мальчуган угомонился ненадолго, а едва деревушка скрылась за холмами, снова пришпорил коня, понуждая других поторапливаться, загоняя коней. Как съехали с хоженной дороги на старый проселок, стал допытывать Мертвеца вопросами о наемничьем прошлом. После ночевки в заброшенной деревне, верно, впервые в жизни случившейся, все в нем искрило, каждый нерв напрягся, лицо светилось, глаза горели. Будто впервые на волю вырвался. Да и конь, под стать царевичу, каурый трехлеток, тоже куда-то спешил, торопил товарищей и седоков, рвался, застоявшись за ночь.

Когда они въехали в реденький березовый лесок, Пахолик немного утишил бег коня. Поравнявшись с наемником, благо небыстро зараставшая заброшенная дорога еще позволяла проехать парой, поинтересовался, сколько он людей убил, не чудищ, это ладно, а людей. Мертвец пожал плечами, разве ж такое считают.

– А первого? Когда и как случилось, расскажи. Ведь все говорят, такое не забывается.

– Такое и не вспоминается, – неожиданно произнес Дориноша. – Если голова все еще на плечах.

– Он прав, княжич. Но дело такое, я расскажу. Неизвестно ведь, вдруг и тебе придется мечом поработать в дороге. – Пахолик взвился, хотел достать клинок, его едва удержали. Не дай бог, коня поранит.

Мертвец попросил меч княжича, тот передал ему, глаза снова засияли как самоцветы, что скажет, как оценит.

Наемник повертел его в руке. Клинок хорошо выделан, равновесный, легкий, самый раз под юную руку. Очень острый, чтоб даже слабый удар мог пробить кожаный доспех. Царевич принял меч, смотря наемнику в глаза.

– Добрая сталь, – ответил он, по-своему улыбнувшись. – Тебе самый раз будет. Когда я только начал воевать, мне чуть тяжелее дали да короче, обычный воинский гладис. Им я своего первого и зарубил.

Кони сбавили шаг, будто тоже прислушивались к разговору. Наемник долго молчал.

– Я служил в армии Урмунда, шестой «Железный» легион. Это на самом востоке республики, много южнее тутошних мест. Мне тогда едва восемнадцать исполнилось, я год, как стал солдатом, прошел обучение. Первое время ждал с нетерпением отправки и наконец – нас направили подавлять восстание кочевников. Шестой легион шел впереди, наша центурия, то бишь сотня, замыкала движение, чтоб враг сзади не напал. Кочевники такие, для них редколесье как дом родной, из-за любого куста выскочат, в любую яму спрячутся. А часто и сами такие ямы делали, нападали скопом: то на передовые, то на замыкающие отряды. Оружие слабое, одеты в тряпье, но трудно всегда начеку быть. Вот в тот раз, только заночевали – тревога. Выскочил я из палатки, в чем был, вокруг чернота, только ругань, крики да звон клинков. И тень передо мной. Враг, друг, кто разберет. Огня зажечь не успели, так и сражались в полной темноте. Этого, первого, я долго победить не мог, все не решался нанести смертельный удар, хоть и легко было. А на втором отыгрался, разом голову снес. Только потом понял, что это свой, потом, когда светать стало. – Пахолик икнул, вздрогнув всем телом, но слушал не отрываясь. – Да, та ночь сыграла с нами в игру. От центурии тридцать человек осталось, противников полегло куда как больше, но и они, ворвавшись, принялись своих резать. Темно, жутко, крики, посвист, рев труб... будто помрачение на всех нашло.

Наемник замолчал.

– А дальше что? – нерешительно произнес княжич после долгого молчания. Мертвец пожал плечами.

– За отбитую атаку нас благодарили. Мы молчали, что тут скажешь, прошлое не воротишь, убитых самими товарищей не вернешь. Ну, с тобой, княжич, подобного не случится, нас всего трое, разберемся.

– Дориноша сказывал, он тоже в армии Урмунда служил. – Телохранитель заметно переменялся лицом, услышав эти слова. Глянул в лицо Мертвеца, но тот смотрел куда-то вперед. – Но, кажется, на севере, вблизи наших границ.

Нового вопроса не последовало, телохранитель перевел дыхание. И указал на реку, предложил перейти ее сейчас, по броду, а не двигаться до моста. С ним не спорили, пересекли неширокую речушку, выбрались на заливной луг и быстро добрались до нового леска. Там и дали коням роздых. Ну а царевич, коли выдалось свободное время, немедля достал меч и принялся показывать приемы. Мертвец смотрел по обыкновению молча, потом подал кинжал в сухоточную руку. Обернулся к Дориноше.

– Кто справа от него встанет, ты или я?

– Мне привычней, – ответил телохранитель, бросая взгляд в сторону наемника. – Столько лет учил. После перелома ключицы все пришлось заново восстанавливать.

Мертвец резко обернулся.

– Так, давай начистоту. Что у царевича еще неладно, о чем с самого начала надо предупредить? Падучая, о которой господарь поминал? Голова слабая после падения с коня? Глаза в темноте не видят? Уши закладывает? Может, порок сердца или желчь разливается...

– Не смей так про нашего правителя! – вдруг рявкнул Дориноша и тут же замолк. Царевич, сделав выпад, так и замер, обернувшись на проводников. Телохранитель кивнул своему ученику, велел продолжать работу, и произнес, едва разлепляя губы: – Нет у него ничего боле, кроме сказанного. А если что, может себя защитить.

– От ребенка или старца. Не дай боги его мечом кто посильнее рубанет.

– Не забывайся, наемник, мы же не...

– Если бы не, – шипя, произнес Мертвец. – Расчет только на то, что ягней проскользнем мимо постов да дозорных и схоронимся в крепости. А там авось народ утихомирится. Кто же всерьез-то...

Пахолик подскакал вплотную, а потому слова наемника, если не все, так последние, ему прекрасно слышны были. Мальчик побледнел, но сдержался. Долго хрипло дышал, глядя на Мертвеца, потом выдавил:

– Вижу, отец либо заплатил мало, либо у тебя руки дрожат две недели пути со мной провести. Я царевич Кривии, я себя защитить сумею, Дориноша мне в помощь, а вот ты... зря тебя отец выбрал. Не надо гнаться за такими, надо же, целую сотню в одиночку одолел. Сам еще говорил, что не деньги и не слава тебе нужны, не того ты ищешь, да и верховный жрец огня тоже видел, что не то, так и сказал напоследок...

Мертвец побледнел до синевы, а затем громко расхохотался.

– Прости меня, княжич. Ты прав, не за тем пришел на зов господаря, отца твоего. Но дело свое я поклялся до конца довести, и доведу, чего бы мне это не стоило.

– Именно так. Вот это у тебя в глазах сидит, ожидание костлявой. Я видел такое прежде, когда дед умирал, он тоже, как ты, приготовился и все ждал, ждал. Отказался от всего, всех прогнал, а потом... – Слов не хватило. Пахолик отвернулся, сглатывая горькую обиду и не глядя на наемника, произнес: – Сколько тебе отец должен? Я рассчитаюсь прямо сейчас.

– Княжич, я тебя не покину до самой коронации. Да и деньги господарь мне уже...

– У меня пятьдесят монет, хватит? – неслушающимися пальцами царевич вынул кошель из сумки, бросил в Мертвеца и ударил в бока коня пятками. Мгновение – и скрылся меж дерев, только топот копыт замирал еще какое-то время вдали.

– Ублюдок, – процедил Дориноша и лягнул своего жеребца, поспешая за Пахоликом. Через миг наемник остался один. Медленно слез с коня, подобрал кошель, взвесил, не раскрывая, и поехал следом.

Часа два прошло, прежде чем он нагнал попутчиков. Коня не подгонял, оставшись в одиночестве, тот сам рвался вперед. Мертвец сидел, пристально оглядываясь по сторонам, одной рукой держа поводья, другую положив на рукоять меча.

Попутчиков застал на переправе. Лес лишь немного расступился, пропуская через себя реку, куда полноводней и шире, чем та, которую они переходили поутру. Здесь коням приходилось переплывать студёные воды, и тот, что вез Пахолика, отчаянно воспротивился подобному. Оступился, едва не скинув с себя седока, заржал грозно. Царевичу пришлось сойти и смотреть, как Дориноша принялся раздеваться, намереваясь перевести коней за собой. Видно, устал искать другую дорогу – судя по конским следам, покрывавшим берег во многих местах, переправу они разыскивали не меньше часа, но ничего подходящего не сыскивалось. Река чернела неизведанной глубиной, по глади скользили блестящие ледяные крошева, приносимые, верно, ручьями. Стынью веяло от воды, сама мысль о путешествии вплавь заставляла неприятно ежиться.

Мертвец подъехал, спрыгнув с коня, остановил телохранителя. Велев царевичу вернуться в седло, взял под уздцы коня и как был, вошел в воду.

Холод удущьем ухватил за горло, наемник прокашлялся, но продолжил идти, не оборачиваясь, не произнося ни слова. Конь несколько раз дернул поводья, но подчинился беспрекословно. Оба поплыли к середине реки, конь смиренно заржал. Наемник обернулся: да, с остальными оказалось куда проще, они повиновались тому, кто решительней. На другом берегу, выбравшись, долго обнюхивали друг друга, будто проверяя, все ли в порядке. Мертвец вынул кусок кошмы и принялся растирать коней. Воды реки лили с него, наемник не обращал на это ни малейшего внимания. Пока не подошел Дориноша.

– Тебе б обсохнуть тоже. Там, за холмом, будет скит, думаю, стоит остановиться. – Мертвец покачал головой.

– Нет, лучше не рисковать. Скитники люди особые: или разговором измучают или на порог не пустят. Тем паче стоит царевичу там показываться, скитник, человек старый, и без пыток указать может.

– Ты на всех так? – произнес подошедший Пахолик. – Только таких, как себя, вокруг и видишь.

– Как я, вокруг как раз и нет. И хвала богам, что так, иначе и жить невозможно.

– Это точно... Мертвец, я вынужден поблагодарить тебя за коня, но не следует так геройствовать. Мы сейчас обсохнем и двинемся в путь.

– Тебе следует обсушить ноги, княжич, да сапоги... – он хотел добавить что-то, но замолчал, возвращая кошель с деньгами. Царевич кивнул в ответ. – Ты прав, геройствовать не следовало, прости за это. Хотел загладить дурное слово, – и выругал себя, что позабыл начисто, как говорить с ребенком. Он не Дориноша, когда последний раз доводилось нянчить дитя... горло сдавило снова, будто запоздалая волна прошлась.

– Принимается, – прохладно произнес Пахолик, взбираясь на коня. – Сколько нам до привала, Дориноша?

Миновав кружным путем скит, выбрались на старый тракт. Мертвец ехал впереди, чуть подотстав, за ним двигались союзно Пахолик и телохранитель. Точно мирянин, ищущий намоленный монастырь, где бы его кровинку отпустила тяжкая немочь. Пахолик и в самом деле выглядел не лучшим образом, брызжущий фонтан страсти в нем разом поугас, ровно перекрыли животворный родник. Сейчас он как никогда прежде походил на того болящего, коим его желал представить миру отец.

– За поворотом будет колок, там можно обсушиться, – произнес телохранитель, отрывая Мертвеца от череды неприятных мыслей, пронесившихся одна за одной. Наемник, обернувшись, кивнул и тут же замер, знаком повелев остальным остановиться. А затем повернул коня.

– Где твой колок, он близко?

– Что случилось? – царевич спросил недовольно. – Себя показываешь?

– Точно, княжич, показываю. По дороге кто-то движется, много. Надо поскорее сходить. Дориноша, веди.

Колок оказался рядом, даже ближе, чем предполагал телохранитель, они чуть не проскочили махонькую вершинку, где подтаявший снег мешался с прошлогодней листвой и едва слышно журчал ручей. Колок сильно зарос тальником и осинником, быстро спустившись к самому истоку, они схоронились, зажав лошадям морды.

По прошествии совсем недолгого времени мимо проскакало несколько конников, затем еще и еще. Царевич поднял голову, но телохранитель тут же вжал его в прель, закрывая собой. Конский топот продолжался, Мертвец, подобравшись к краю вершинки, выглядывал, недовольно хмурясь. Затем, когда топот стал стихать, отдаваясь лишь по земле, спустился.

– Около сотни. Одежды не ваши, герб черный с желтым, разрезанный красной молнией.

– Бийца! – зло произнес телохранитель.

– Надо спуститься чуть ниже, там хоть осинник погуще, остановимся, переждем. Утром я попробую разведать, что и как.

– Попробуй, – царевич поднялся и повел коня следом. – Только сперва поясни, чего ж ты эту сотню врагов пропустил. Мог бы выйти, объясниться с ними по-свойски. Ты ж ведь прежде так и делал. Тебя ведь одного против целой прорвы послали, как на убой. Или годы вдруг стали не те? – Мертвец невольно улыбнулся, Пахолика передернуло. – Ну что молчишь, отвечай!

– А меня и правда на убой послали. Не ждали возвращения. Но ты хочешь знать, как я убил ту банду разбойников. За две ночи. Главаря и наложниц зарезал в первую, пробравшись в палатку, пока охрана зевала. Уходя, собак потравил, чтоб сбить охоту. Нового вожака головорезы так и не избрали, друг дружке кишки бы выпустили, если б не я. Так что искали,

но с оглядкой. Следующей ночью я снова пробрался в лагерь, снял охрану, да и перерезал всех потихоньку, одного за другим. Где-то за полчаса.

Пахолик хотел что-то ответить, но поперхнулся словами. Долго откашливался, сел на пенек, прикрытый войлоком, стал снимать сапоги. Не выдержал, глядя, как раздевается наемник.

– И этому человеку отец заплатил за мою охрану. Всегда меня охраняли честные, как горный хрусталь, люди, вот хоть Дориношу возьми, хоть кого... – Телохранитель поежился.

– Все верно, княжич, все так, – наемник отвернулся, выжимая рубаху. Обнаженное тело Мертвеца говорило лучше любых слов, царевич несмело разглядывал спину, ноги, покрытые рубцами и шрамами, куснул губу. Наемник развесил над костерком одежду, сам сел, закутавшись в попону, точно холод его сторонился, и достал немного вяленого мяса.

– Накройся, негоже так...

– Мне не холодно.

– Негоже перед царевичем непотребство показывать, – хмуро произнес телохранитель, но отрок тронул рукой Дориношу: не стоит так говорить.

Долгое время сидели молча, пока костерок не стал единственным светочем посреди быстро темнеющего вечера, и звезды снова не высыпали на небосклон. Удивительно, вроде солнце весь день не появлялось на небе, будто не желая видеть землю, а после его ухода за горизонт облака куда-то исчезли, обнажив сияние далеких светил. Мертвец, одевшийся и обогревшийся, еще раз предложил сходить в разведку, вряд ли эта сотня далеко пошла, разве что нервы дозорам попортит.

– Очень близко к столице, мы еще ста миль не одолели, и вот тебе, – задумчиво произнес Дориноша, закапывая в землю остатки ужина и присыпая холодным песком вперемежку с гниющими травами. – Не думаю, что просто разведка. Как считаешь? – обратился к наемнику он, глядя на царевича. Мертвец потер шею, затем пожал плечами.

– Возможно, разведка боем. Мы не знаем, сколько по другим дорогам прошло, где собираются, зачем... Княжич, сколько в Опае войска осталось?

– Тьма пеших и полтысячи всадников, – ответил за него Дориноша.

– Нет, всего шесть тысяч пеших. Я был на последнем совете, отец велел, – будто оправдываясь, заговорил Пахолик. – Знаю, что порешили двинуть два отряда к Косматым горам, закрыть заставы и усилить дозоры в крепостях, особенно на Красном ручье. Это ведь прямой проход к вотчине Бийцы, он же трижды уже пытался штурмом взять ее. И все откатывался. Наверняка, попытается и в четвертый.

– Или поищет другие пути, – задумчиво произнес Мертвец.

– Совет решил... знаю, я мало понимаю в ратном деле, но отец очень хочет, чтоб разобрался. Он спешит обучить меня всему, ведь после коронации на меня свалится управление страной, мне надо быть готовым ко всему, прежде всего к войне с проклятым Бийцей. А я не хочу, не умею и не хочу подводить всех... после коронации первым же делом верну должность верховного главнокомандующего отцу. Он успешно сражается с княжскими ордами, он знает как, он сможет.

– Сколько всего войска у господаря?

– Три с небольшим тьмы пеших и около четырех тысяч конников.

– У князя Бийцы примерно столько же, – добавил телохранитель.

– Меньше, – возразил царевич, – тысяч двадцать пять рати. И около трех тысяч всадников... Ненамного, но меньше. Правда, его подпитывает Кижич. Но сейчас зима, трудно набрать много войска.

– Все равно ему двигать свою орду на Тербицу, а и в ней недостатка в войсках нет, и все дороги перекрыты. Как убедить всех, что он законный правитель, если не отворить врата храма огня? – произнес Дориноша.

– Ты думаешь, решится на штурм? – вздрогнул царевич. – Ведь тогда он сам возложит корону на голову, а это еще большая смута.

– Ты же понимаешь, княжич, простецам главное корона на голове, все знают по прошлым распрям, именно она и ничто другое решает споры. Долгой осады ему не потянуть, но тут время против нас – к нему присоединяются все больше сторонников, – промолвил Дориноша. И обращаясь к Мертвецу: – Не стоит ходить в дозор, у нас мало времени. Если сотня перейдет реку, их быстро выбьют обратно, если ж нет, они будут жечь деревни на этой стороне, привлекая к себе внимание, а потом уйдут, вызвав, сколько за ними отправится войска. В любом случае, здесь небезопасно. Надо повертывать на запад, а оттуда выходить к деревне Обара. Мне почему-то кажется, они через Тернополье как раз и прорвались. Я могу ошибаться, но... – телохранитель зашелестел картой, наемник остановил его.

– Верю. Будем двигаться, как ты решил.

– Но отец...

– Княжич, – мягко произнес Дориноша, – я очень сожалею, что мы отклоняемся от выверенной дороги, но сейчас не время рисковать. Если мы не пройдем, сам понимаешь.

– Понимаю. Обидно. Я и для тебя как стеклянная статуэтка, – он не закончил, кивнул, неохотно, упрямо, а затем, отвернувшись, закрылся мехами и через некоторое время заснул.

Еще заря не занялась, они поднялись. Спешно оседлали коней и отправились в путь звериными тропами вдоль тракта. Через несколько миль подобной езды, от которой все успели устать, а кони еще и переволноваться, чуя запахи волков и секачей, Мертвец не выдержал. Оставив спутников, выехал на заброшенную дорогу. Ехал по ней недолго, затем позвал остальных: никаких следов, кроме тех, что оставили вчера проехавшие всадники князя, на тракте не нашлось. Сотня или еще бесчинствовала вдоль реки или отправилась обратно кружной дорогой.

Дориноша выслушал наемника молча, кивая и хмурясь. Спал он плохо, вполуха, все пытаясь услышать звон мечей да храп загнанных коней. Ждал, но так и не дождался ответного удара царской дружины. Пахолик молчал, поглядывая то на одного, то на другого. Говорить приходилось обрывками, постоянно оборачиваясь, кони сами несли прочь, повсюду чуя запах лютого зверья. Да и путники поторапливались.

После короткого, больше для животных, нежели для всадников, привала, пустились далее. Тропы вывели на новый тракт, решили двинуться по нему хотя б всего до ближайшей деревни. А там Мертвец попытается разведать новости.

– Да в этих краях меня никто и не знает, – бросил последний козырь царевич, не желая оставаться на пути и пытаясь хоть глазком заглянуть в неведомый ему мир, – ни в лицо, ни по описанию. Дальше Озер я не останавливался, да и на охоте мы с отцом так далеко не заезжали. А из столицы я и при маме никуда не ездил. Так уж получилось, – будто извиняясь прибавил он. Дориноша покачал головой, и оба долгое время ехали молча, глядя только на холки норовистых жеребцов.

Дорога в этот час пустовала. Всадники обогнали лишь группу крестьян, медленно бредущих по обочине и при виде мальчика в белых одеждах шарахнувшись по сторонам и сделавших в его сторону «козу» – отгоняя от себя возможную заразу. После полудня солнце наконец-то пробило пелену туч и, пограв землю, снова скрылось в свинце облаков. Ветер усилился, но дул теперь с юга, неся долгожданное тепло. Следующий холм, на который поднялись странники, явил их взорам далекую деревушку, затерявшуюся среди зарослей раскидистого ивняка. Крайние домики еще виднелись среди зарослей, а вот дальше деревня, сбегавшая в ложбину, пропадала в молодом ивняке, нещадно вырубаемом крестьянами – себе на лежаки или на кресла для продажи в город.

Дорога перед самой деревней расходилась: на юго-запад вела к Тернополю, на запад, через село, в Истислав, старую крепость, в незапамятные времена служившей границей меж Кривией и Великим княжеством Реть, государством, ныне поглощенным возвысившимся соседом. В былые годы оттуда свершались набеги на торговые пути и города, грабили караваны и сжигали поля и деревни, пока царь Ехтар не подчинил себе гордых ретичей, пройдя по их невеликим землям огнем и мечом. С той поры не стало ни княжества, ни городов его, ни крепостей, только один храм бога огня пожалел Ехтар, он и теперь стоит на острове посреди озера. Вокруг него разросся монастырь, куда изредка забредают паломники, больше изгнанные ретичи, некоторые и живут подле него, у озера. Как закончились гонения, покойная царица разрешила им выкупать свои земли обратно по дорогой цене. Но возвращающихся мало, многие, да и не только прежние жители княжества, считают, что на месте монастыря Ехтар погреб защитников столицы с запамятованным ныне названием, но правда ли это или мифы – теперь трудно узнать. Известно лишь, что в тех местах и был принят последний бой уцелевшими ретичами и именно там о присоединении княжества царь Ехтар и объявил ратникам и разослал гонцов по выжженной им земле.

Через Истислав и дальше на юг по заброшенной ретской дороге и предложил двинуться Дориноша. Пахолик смутился, обернулся к Мертвецу.

– Я слышал, за Истиславом потому дороги пусты, что много неупокоенных душ ретичей по ним бродит. Скажи, тебе приходилось встречаться с живыми мертвецами?

– Разве я не сам такой? – улыбнулся наемник. – Скажи, княжич, откуда ты знаешь эту легенду?

– Это не легенда, мой дед рассказывал, что его отряд... Да и в Опае много об этом говорили, когда два года назад посылались войска в Истислав, многие отказывались идти.

– А что войска князя?

– Неизвестно, – ответил Дориноша. – Собранное тогда войско – в основном молодняк – без боя сдалось Бийце вскоре, как покинуло крепость.

– Говорили, на него там наложили страшное проклятие, – вмешался царевич. – Ведь даже сам Бийца повелел отправить плененных сперва в горы, а затем...

– В самом Истиславе много войска?

– Не больше сотни, все местные, – ответил телохранитель, потирая подбородок. – Я как раз и рассчитываю на эту легенду. Меньше встретится народу по пути, и хоть крюк заложим, к сроку должны поспеть.

– Дориноша, получается, ты вовсе не слушал моего отца, а еще тогда продумывал, как самому править путь...

– Никак не продумывал, княжич, поверь мне, старому слуге. – Отрок еще горячился, но близость деревни сбила мысли. Когда Дориноша свернул в сторону, царевич уперся. До жилья оставалось всего-то сотня локтей, он смотрел и не мог наглядеться на неспешную жизнь у околицы, так, ровно первый раз ее и видел. Может, подумалось наемнику, и вправду первый.

– Хоть проедемся насквозь, – промолвил он, неохотно отрываясь от крестьянских ребятишек, гоняющих хлыстом чурбак по пыльной дорожке, уворовывая его друг у друга. – Может, увидим что. А Мертвец останется, разведает. Скажи, тебе в моем возрасте много приходилось странствовать?

– Нет, княжич. Как меня родители увезли в Урмунд из Кривии, так до самого поступления в армию из дому носа не казал. Так что ты еще вперед меня долгий путь делаешь.

– Но в два года...

– А что я мог помнить в два года? Только что родители рассказали.

– Ничего, княжич, уж доберемся до Тербицы, вот появится возможность всю Кривию объехать, народ успокоить короной. Это ж будет твоя государева обязанность, себя показать, утишить страну, – вставил свое слово телохранитель.

– Я поеду вперед, а вы потихоньку за мной, – произнес Мертвец, поддержав царевича, – дам знать, если что. Достану из-за пазухи шапку.

Дориноша замолчал, поглядывая то на одного, то на другого. Желваки прокатились по скулам, но спорить не стал, кивнув. Пахолик тотчас пустил коня вскачь, его догнали у самой околицы.

Мертвец проехался по деревеньке, расположившейся по обоим сторонам тракта – тихое, мирное житье, не встревоженное усобицей. Все как всегда в таких селах, полусонные жители бродят меж домов, кто-то занимается делами на свежем воздухе, кто-то у себя в избе, кто-то хлещет горькую в трактире, или бьет морду сопернику, шум и гвалт подсказали, как легко найти это местечко. Завернув у противоположной околицы, наемник спешил, поджидая царевича.

– Может, остановимся, хоть ненадолго? Не здесь, так вон там, – он указал на кабак. – Там музыка.

Оба покачали головами.

– Может, потом...

– Посмотрим, княжич, – сказал наемник. Дориноша, напомнив, что будет поджидать наемника через три мили, ударил пятками коня, тот, всхрипнув, поторопился покинуть деревеньку. Следом за ним, неотвязно, поскакал и Пахоликов жеребец, увозя мальчика подальше. Царевич постоянно оборачивался, бледный лицом, вроде крикнул что-то, да нет, показалось.

Мертвец добрался до соседней улочки, именно здесь и располагался трактир, привязал коня к стойлу и вошел. Небольшое помещение делилось входом на две неравные части – большую занимали обеденные столы с редкими в этот час и время года гостями, меж которыми сновала рябая девка, подававшая то закуски, то скверно сваренную медовуху. С другой стороны еще пара столов, а за ними, в небольшой клетушке без окон, проходили потасовки, кулачные бои под рожок или дудку, что так распространены в Кривии и так редки за ее пределами. Верно, поэтому кривичей все соседние народы считали бузотерами и дармоедами. Ну, и пьяницами, конечно, ибо редко кто в трезвом виде принимался махать кулаками за ставку или просто из удовольствия.

Мертвец прошелся мимо крепкого вышибалы, заодно игравшего роль судьи в состязаниях, но, не углядев ничего интересного в хорошо набравшихся бойцах, перешел на другую половину. Сел в дальний угол, заказав кружку медовухи, а еще вяленого мяса и квашеной капусты с клюквой в дорогу, и, отстегнув меч, принялся внимательно оглядываться по сторонам, одним этим привлекая невольное внимание.

Наконец, к нему подсели. Хозяин таверны, немолодой мужчина, распустивший брюхо да потерявший волосы, кивнул кому-то из задней комнаты, где обыкновенно хранились запасы. Невысокий прыщеватый человечек в сером кафтане да холщовых штанах вышел, присев рядом с Мертвцом. Поинтересовался, чего наемник ищет. Тот усмехнулся.

– Неужто по мне не видно? Работу по сладу, найдется у вас такая? – кивнул на меч. Человечек часто закивал следом, придвинулся поближе.

– Есть такая. Братишка мой в переплет попал. Задолжал денег одному барышнику, да теперь на мели, а срок выходит. Хорошо б пособить.

– Это не ко мне. Что мне до споров кабачников! Мне через границу перебираться, хотелось чего посерьезней.

– Ты не беден, я гляжу, вон конь какой знатный, – продолжил человечек, – чай, не за просто так получил.

– Не запросто. Трех «гусаков» завалил, одного из них конь. – «Гусаками» здесь называли всадников, верно, из-за манеры ходить после долгой езды, переваливаясь с ноги на ногу, да еще под грузом доспехов и оружия.

Человечек побледнел.

– Ты откуда такой взялся, от косматых, что ли, пришел?

– Ну зачем? Из Опаи. А что, косматые появляются? – Не ответив, человек быстро ушел к хозяину. Какое-то время они шептались, затем хозяин подошел сам, поинтересовавшись настроением и намерениями гостя. Повторилась сказка про братишку-должника и снова вопрос: откуда ты, странник. Мертвец понял, что ничего больше не добьется, разве что задание кабачника исполнит да пару монет с него стрясет. Поднялся и, поблагодарив, вышел. Получаса не прошло, догнал и разыскал товарищей. Глаза Пахолика загорелись, едва он увидел наемника.

– Ну, что там, как? – Мертвец только головой покачал: тихо, слуги князя не появлялись.

Царевич закивал мелко, хорошо, мол, очень хорошо, и вдруг спросил:

– А что там, в таверне, я слышал, кулачные бои проходят? Ты от кулачников узнал, что и как?

– От них тоже. Нет, княжич, подрасться не довелось, уж прости, напиться надо было, не меньше трех кружек. – Царевича это знание напротив, кажется, только больше раззадорило. Теперь он смотрел на деревню полными несбывшихся надежд глазами. Будто все сокровища мира сосредоточились именно в ней.

Дориноша тихонько обнял его за плечи.

– Поспешим, княжич, будут еще деревни, в них мы обязательно остановимся.

– Надо только одежды сменить, не все мне падучего разыгрывать.

– Обязательно. Ближе к Истиславу так и сделаем.

Он еще раз обернулся, провожая взглядом уплывающую за холм деревню. И с силой ударил пятками коня, так что тот вздыбился, и бросился вперед, в поисках новой сокровищницы.

Проехав два дня пути, они свернули на старый тракт. Деревня по ту сторону речки уже оказалась под властью Бийцы, и хотя его наемники побывали в ней вот как месяц назад последний раз, все понимали: лучше обойти новую вотчину князя кружным путем. Так что следующие трое суток они упорно следовали дорогой, проходившей пятью милями севернее новой. Дориноша предложил не обнаруживать себя понапрасну, когда на пути столько подозрительных людей, по случаю и без увешанных оружием. Да и княжич устал разыгрывать из себя болящего, норовил остановиться в деревеньке, пугая белыми одеяниями селян, выказывающих попеременно знаки верности то господарю, то князю. Вот следующая деревня, расположенная всего в трех милях от своей соседки, еще торговала свое желание примкнуть к князю, и только за ней снова начинались господарские владения, правда, сильно опустошенные всадниками самого управителя Кривии. Надолго ли они простирались, сказать трудно, да и долго ли хотели оставаться в прежних руках – полагаться никто не мог. Потому решились сойти с хоженного тракта на заброшенный.

Путь этот оставили давно, он сильно зарос и местами оказался засыпан оползнями. Вот она, главная причина переноса дороги на возвышенности – пусть неудобно, вверх-вниз, с холма на холм, зато дорогу не надо после каждого сильного дождя – а они в Кривии случаются раз в три-четыре года – прочерчивать заново. Новый тракт провели не меньше полусотни лет назад, прямо через деревни – понятно, в те далекие времена никто о гражданской войне не думал. Сейчас это для жителей стало и удобством, и наказанием, ведь неизвестно, кто поедет по дороге, свои или чужие. И кто теперь свои и кто чужие? Деревни решали сами, давая пристанище одним, потом другим. Теряя и находя новых союзников, которых и кормить, и поить, и развлекать, да еще и всегда терпеть убытки от подобных побывок. За прошедшие пару лет

юго-запад Кривии стал постепенно превращаться в лоскутное одеяло, где часть населения поддерживала господаря, а другая уже князя – путники убедились в том на собственной шкуре, когда на вопрос, за кого деревня, отвечали вопросом «откуда сами?».

Эта чересполосица почти полностью остановила торговлю сразу за Сизой долиной. А вот теперь Мертвец в трактирном разговоре выяснил, что именно через казавшееся прежде надежной преградой Тернополье сотни Бийцы с легкостью просачиваются самыми разными путями почти к самой столице, и как сдержать его продвижение, совершенно неясно. Разве что успеть посадить на трон Пахолика прежде, чем там окажется Бийца. Если он уже не начал свой поход за троном. Нынешняя неопределенность всегда трактовалась жителями страны не в пользу властей, раз уж они никак не могли сдержать ни натиск княжеских дружин, ни недовольство поддерживавших Бийцу. Неудивительно, что Тяжак последние годы более обрушивал свой гнев на покорных и верных, не в силах достать отбившихся от его силы вотчин, пытаюсь отыгратьсь хоть где-то и как-то, а в итоге проигрывая и там и здесь. Так произошло и с Тернопольем, где второй раз за неполный год хорошо вооруженные мытари собрали с крестьян подати по новой. Неудивительно, что восстание в ключевой точке противостояния ордам с юга удалось подавить только к концу зимы, перебросив против своих дополнительные силы, да теперь, выходит, все сражения оказались напрасны.

Последний год больше всего подавлением своих и занимался господарь: создав подвижную армию из полтымы пеших и тысячи всадников, он перебрасывал ее то в одно место, то в другое, тушить то и дело возникавшие очаги недовольства. С начала этого года одной армии оказалось маловато, ропот ушел, как тлеющий торфяник, под снег, но не прекратился, и потому в некоторые города юга и юго-запада, особенно на дороге до Тербицы и окрест нее, пришлось вводить войска на постоянное время. Войскам требовались деньги, пропитание, а еще обязательно какое-то действие, на то они и воины, чтоб искать себе врагов и защищать от них отечество. А как раз с этим выходило скверно: селяне роптали, ратники отыгрывались на них за зимнее ничегонеделание, их отсылали, призывали новых. Ропот постепенно выбирался наружу, и в город вводились дополнительные сотни из усыхающего каждый день запаса.

Все это предстало путникам на новом тракте, когда ехать по старому оказалось вовсе невозможно: оползни смели дорогу на многие мили вперед, обратив ее в вымоины, груды камней и глины. Пришлось рискнуть и, помолясь, вернуться на торный тракт. В этих местах хоть можно спешить, не оглядываясь по сторонам – ибо уже в полуторе сотен миль от столицы дороги обезлюдели. Деревни не стояли, как прежде, открытыми, но старательно огораживались от всякого встречного как в давно забытые времена пусть не шибко надежными, но охватистыми кольями в два человеческих роста. В каждой встречали исключительно по одежке. Хорошо, путникам не так требовались припасы, как знания, на чьей земле они находятся и как вести себя ближайший десяток миль, пока земля, пожелавшая стать на ту или другую сторону, не закончится.

Да и княжич, прежде мечтавший посетить хоть какую деревню, отдохнуть на кровати или хоть лавке, послушать незатейливый мотив дудок, да просто посидеть и послушать селян, о которых ему только отец и телохранитель рассказывали, теперь приумолк, съежился и держался за спиной наемника, особенно когда на дороге намечалось движение. Обычно то были редкие возы и телеги крестьян, переправлявших товар в ближайший город, подвластный одному из правителей. Изредка попадались хорошо вооруженные караваны с флагами князя или господаря, готовые дать отпор почти любому отряду, а потому передвигавшиеся сравнительно свободно. Но случались и дозоры конников, и тогда приходилось спешно покидать дорогу, скрываясь что от своих, что от чужих – опыт деревень, огородившихся от мира надежными заборами, выставивших в охрану самых крепких молодцов, до которых еще не добрались вербовщики ни Тяжака, ни Бийцы, подсказывал, что лучше не связываться ни с кем в пути, тем паче, добра от таких всадников никто не ждал: усобица приучила их брать все, что можно,

и нападать на любого, кто не в состоянии дать отпор. А потому что от черно-желтых, что от красных гербов спасали только белые одежды Пахолика. Вокруг деревень простирались спешно выкопанные кладбища, и кто разберет, болезни или нападения причина их появления. Изредка встречались и кострища, от которых пахло так, что даже Дориноша сторонился, прикрывая лицо тряпкой до самых глаз. И только наемник, будто ничто земное его и в самом деле уже не касалось, ехал как прежде, ненамного обогнав пару, всегда держа ладонь на рукояти меча.

Чем ближе к Истиславу, тем больше пустел тракт, казалось, все население попряталось по подвалам, за изгородами, и только топот коней проезжавших чужаков разрушал тишину, заставляя мужиков доставать из-под лавки топоры и рогатины, а баб прижимать к себе малых деток и идти к подвалам. Всего пять суток как они двигались по новому тракту, уж до города-крепости оставалось несколько дней пути, а вид на дороге оставался такой, будто война, начатая еще прадедом царя Ехтара, длилась и по сию пору. И то – недалеко от одной из закрывшихся на все замки деревенок путники нашли несколько давно убитых людей. Оружие и доспехи растащили местные, в остальном постарались волки, так что определить, кто был поражен в сече, сказать оказалось невозможным. Равно как и то, как давно она случилась. Кто-то побросал останки с дороги, на этом посчитав доброе дело сделанным. Пахолика стошнило, молча, слезящимися глазами он молил поторопиться. Так и сделали.

За деревней, мимо которой путники проскакали во весь опор, виделась сходная картина, только трупов еще не коснулось тление. Дориноша приказал наемнику не останавливаться, чтоб разобраться, а колотить коней нещадно, но уж тут слово взял царевич.

– Косматые это, отсюда вижу, – вдруг на Пахолика волной накатила решимость. – Еще не ободрали, – добавил он и зажал рот рукой, подавляя позывы. – Наемник, задание тебе, поколоти в ворота, спроси, когда бой случился и отчего. Мы здесь подождем.

– Но, княжич, надо поторапливаться...

– Дориноша, я не с тобой говорил. И я жду.

Мертвец немедля поворотил коня и, вытащив меч, широкой гардой постучал в кованую петлю ворот.

– Есть кто живой?

Сколько-то времени прошло, прежде чем узкое окошко в широченных воротах отворилось, появилась всклокоченная рожа, едва не порезавшая себя острием копья.

– Проезжайте. Вы нам без надобности.

– И вы нам. Ответь только, трупы косматых давно здесь?

– За косматых ты б ответил несколько дней назад. Шли они к Истиславу, а вот не дошли.

– Так это их дозор был?

– Последки. Господарева сотня догнала и порезала. И сама туда же направилась. Косматые шестерых наших убили и еще дюжину с собой забрали. Два дня тут хозяйничали. С той поры своих пождем.

– Прежде наезжали?

– Прежде летом дело было, так отбились. С той стороны-то видал? – Наемник кивнул и больше не спрашивал, поехал к своим с рассказом. Пахолик воодушевился, приказал немедля спешить к Истиславу, раз так, здесь они в безопасности, они войдут в крепость, царевич объявит себя, поднимет воинство в путь, хотя бы сотню эту, они уже не будут ни от своих ни от чужих прятаться, они с триумфом, так правильно я говорю, наемник, да, с триумфом войдут в Тербицу, и корона возляжет на его чело.

– И первым же делом я сообщу о том отцу. И о первом своем указе – производстве его в мои первые советники. Не сомневаюсь, этих людей отец послал, он понял, он знает.

Пахолик закашлялся, тяжело, надрывно. Погода не баловала последние дни. Хоть немного потеплело и снег начал подтаивать, да потому, что дожди заморосили. Мерзкие, холод-

ные, оставляли после себя стылые лужи, которые не пробудившаяся земля не желала впитывать, и от которых, как ни укрывайся под стволами вековых деревьев, сколько ни подкладывай под себя веток, никак не избавишься. Меха промокали и уж не грели, лишь воняли на костре, пропитываясь запахом гари. Царевич стал хлюпать носом и вот эдак подкашливать, взятые с собой настойки помогали мало, разве что та, которую наемник давал пить, наскоро в дороге и сделанная.

– Никакая тебя хворь не берет, – каким-то странно недовольным голосом говорил княжич, – отчего так, не пойму?

– Да что тут думать, я же мертвец, – будто в издевку отвечал тот, снова по-свойски улыбаясь. Царевич надувался, потом просил еще настойки и, освободив носоглотку на полдня, спешил на коня. До Тербицы оставалось всего ничего. А последнее известие его и вовсе точно искрой ударило, куда там, еле смогли догнать через холм. Да и то потому, что Пахолик сам остановился.

– Что случилось, княжич? – Дориноша смотрел на царевича, пропустив взгляд, направленный на дорогу. Наемник взгляделся, орлиный взор его немедля выхватил цепочку людей, медленно бредущих по дороге в паре миль от них, начавших спуск с пологого холма. Всего около сотни, мужчины, женщины, две повозки, в которых также находились люди. Много раненых, перевязанных наспех. Идущие впереди мечей из рук не выпускали, остальные брели понуро, позабыв об оружии, большинство несли нехитрую поклажу. Пахолик медленно поднял руку в их направлении, затем опустил.

– Что это? – едва выговорил он. Лицо потемнело, глаза расширились, наполняясь чернотой. Он увидел царские гербы на идущем впереди кое-как вооруженном отряде из десяти человек и вздрогнул всем телом. Дориноша перехватил взгляд, медленно вытянул меч, а после краткого раздумья с силой и злостью вбил его обратно в ножны.

У самого свода земли и неба виднелись дымы, чахлые, белесые, едва поднимавшиеся к стылому небу и сливающиеся, растворяющиеся в нем. Там, за последним холмом, лежавшим на их пути, в десятке миль, должен располагаться Истислав.

На глаза телохранителя невольно навернулись слезы. Пахолик повернулся всем телом к нему, вдруг приблизился, прижался к Дориноше, а затем отстранился, будто стесняясь своих страхов, своей боли, и, хлестнув коня, бросился к бредущим.

– Княжич! – Дориноша, ни мгновения не медлив, махнул за ним. Поспешил и наемник. Передовой отряд беженцев остановился, подняв и тотчас опустив мечи, уставшие, измотанные люди смотрели на прискакавшего отрока и сопровождающих его пустыми глазами, в которых, если взглядеться, совсем недавно мелькали языки пламени.

– Кто вы и откуда? – кашлянув, спросил царевич. Молчание стало ему ответом. Он перегоридил дорогу бредущим и спросил еще раз, добавив: – Отвечайте, перед вами царевич Пахолик, сын управителя Тяжака, наследник Кривии, едущий на коронацию в Тербицу.

Молчание, на сей раз не такое продолжительное. Один из воинов медленно вложил меч в ножны, за ним последовали остальные. Склонил голову перед пока еще не полноправным властителем царства. Тяжело дыша, выпрямился, разглядывая царевича и пытаясь очистить пропитанные чернотой крови латы.

– Мы защитники Истислава. Крепость пала, мы возвращается в Опаю принять кару и молить о прощении для оставшихся в живых жен и детей, – слова давались воину нелегко. – Прости нас, будущий царь Кривии, путь долог и опасен, нам надо поторапливаться.

– Куда вы собрались? Вы сдали Истислав косматым? Я сам смогу судить вас и отделить виновных от невинных.

– Истислава больше нет, – ответил ратник. – Крепость сожжена.

– Когда на вас напали? – вмешался наемник. Дориноша метнул в него злой взгляд.

– Молчи! – вскрикнул царевич. – Что случилось... как тебя зовут?

– Мое имя Боронь, я командовал крепостью до вчерашнего вечера. Третьего дня на нас напали всадники твоего дяди, князя Бийцы, числом не меньше тысячи, шли с юга, по заброшенному ретскому тракту. Два дня мы сдерживали их атаки, пока крепость не сгорела дотла.

– Чем они сожгли камни? – зло спросил Пахолик.

– Истислав никогда не был каменным, царевич, это деревянная крепость, построенная задолго до царя Ехтара. А сожгли его черной жижей, что на урмундском наречии именуется напатум. Мы сражались и в огне, да не выстояли. Я не прошу милости для себя или воинов своих, но лишь для жен и детей наших. Всех, кого мы смогли спасти, мы ведем с собой, в столицу.

– Вы не дойдете до нее так, – все же влез наемник, перебивая начавшего говорить Пахолика. – Дорога во многих местах под правлением косматых, уже в десяти милях отсюда начинается их первая деревня. Вон та, что мы проехали, еще приняла царевича как наследника, но прочие...

– Молчи, я сказал! – Пахолик раскраснелся, страх и злость, мешаясь, пятнами выступали на лице. И снова повернулся к командиру: – Я сам укажу тебе наказание и надежду на спасение. Ты должен провести меня к Тербице на коронацию, от Истислава до нее десять дней пути, мы их преодолеем за трое суток, если поспешим как следует. Все, кто пойдет со мной, все, кто помнит о чести и верности короне, все будут прощены. Ваши жены и дети... я прикажу селянам приютить их. Сколько вас всего?

– Еще раз прости мою речь, царевич, но только за три дня мы не сможем добраться до Тербицы. У нас всего два коня, да и те водовозы, их не седлают. А всего же нас вышло восемьдесят два человека, из которых воинов ты видишь перед собой, тринадцать могущих держать оружие и десять в повозках, тяжелораненых.

– Все, кто пойдет со мной, будет прощен.

– Дозволь мне спросить этих людей, царевич, – не выдержал Мертвец. Пахолик кивнул, губы его дрожали, одной рукой он теребил поводья, другой же держался, как за соломинку, за рукоять меча. – Скажи, почтенный Боронь, останавливалась ли до вас сотня всадников из столицы?

– Она не из Опаи была, а из уездного города Шата, что в десяти милях к востоку. Я просил подкрепления на случай вылазок. Часть сотни осталась с нами, а часть дозором вышла на южный тракт. Командир ее погиб в бою с косматыми, его первый помощник вон в той повозке. Сам же дозор, верно, сгинул на тракте. Мой совет – не ходите по тракту, пойдите через ретский лес. Это возьмет неделю, но обезопасит царевича. Вас всего ничего, а косматые сказывали, насмехаясь, что Тербица в их руках. Пес их знает, правда ли то, но вокруг нее их может быть немало...

– В Тербице тьма воинства моего отца. Как смеешь ты говорить, будто она может сдаться! Да у косматых столько воинства не найдется, чтоб выбить из ее стен...

– Я лишь повторил слова недостойных противников твоих, царевич.

– Не повторяй их больше! – Но запал уже прошел. Заморосил нудный дождичек, незаметно, однако разом пропитав одежды ледяной влагой. Царевич несколько раз откашлялся, поглядывая то на командира уничтоженной крепости, то на наемника. Тем временем вся вереница людей спустилась с холма и встала полукругом перед Пахоликом, ожидая его слов. Молчание затянулось.

– Почтенный Боронь, может, ты знаешь, куда отправились орды князя? – продолжил расспрос наемник.

– Добывать не стали, видно, спешили дальше, мы и так задержали их излишне. Пошли кружным северным путем в Шат, перед началом бойни я отправил туда вестника, надеюсь, добрался в благополучии.

– Много ли косматых вы положили? – вдруг вмешался Дориноша.

– Полагаю, три сотни.

– Совсем немного, – шмыгнул носом царевич. – А почему Шат?

– Оттуда открывается прямая дорога на неприкрытый дозорами север, – ответил Боронь. – Можно перерезать пути к столице с трех сторон.

Дождь усилился. Дориноша попросил у царевича позволения вернуться в деревню и переночевав там, в надежном окружении, решить как действовать дальше. Пахолик снял шапку, вытер мокрое, не то от дождя, не то от холодного пота лицо, долго молчал, но все же согласился. Вереница потянулась по дороге.

Собрались решать о путях и сроках продвижения к Тербице в деревенском трактире, царевич первое время пристально глядел по сторонам, запоминая едва не каждую доску в убогом убранстве. Скамьи, столы, несколько ларей да полки – вот и все, что имелось в ветхом сооружении, чьи нижние венцы сильно подгнили и пол покосился, точно от паров браги, что здесь готовили без устали. За изгвазданной занавеской скрывались кровати хозяина и супруги и еще несколько шкафов со съестным, подле них печка, за ней вход в погреб с ледником. Все как везде, да только видел Пахолик подобное впервые. Оттого и в разговоре принимал малое участие, отдав нить бесед Дориноше, куда больше внимания уделяя обстановке трактира, чем спорам в нем.

Народу набилось изрядно, почти вся деревня. Селяне нехотя согласились отдать шесть лошадей, шуровавшие недавно всадники князя побрезговали ими. Но идти за царевичем ни один из деревенских не согласился. Впрочем, на них и не рассчитывали. Командир сгинувшего Истислава решил сам отправиться во главе крохотного отряда. Отговаривали, но напрасно, видно, слова Пахолика задели того за живое. Он же отобрал отряд, после занялись приготовлением лошадей. Сам Боронь предложил посидеть царевичу в селе, а не спешить в Тербицу, мало ли что случиться может. Хоть и слышал он о взятии косматыми города, да не пожелал верить их словам, мало что наговорят, может, пытались, да пошли на Шат остатками. Так что лучше наш отряд разберется, а тогда... Мертвец и телохранитель возражали, да, Тербицу взять очень сложно, но раз осмелились взять крепость, значит, либо мстили за неудачи, либо действительно так сильны, что войсками разбрасываются. Выходит, у собравшихся здесь очень шаткое положение, каждый день по-своему повернуться может. Но и рисковать, возражал Боронь, тоже надо в меру, тем более рисковать не просто мальчиком, но будущим государством.

Наконец, сам Пахолик прислушался к спору и усадил командира, коротко отрезав:

– Я еду. А ты, Боронь, можешь охранять меня, оставшись здесь. И возвращаться не буду, сколько пройдено. Что станет, то и станет. А до Тербицы я дойду.

– Решили, – подвел итог Мертвец. – Как двинемся?

И снова споры. Боронь настаивал на тракте в ретских лесах, но заново оказался в меньшинстве, нехотя согласился на старую дорогу, на которую они выберутся, минуя сожженный Истислав, подлеском. Съездов с нее не было, только в чащобу, так что напорись они на новый отряд косматых, придется вынимать мечи.

Когда время подошло к полуночи, спорщики договорились окончательно и нехотя разошлись. Царевича одолел насморк, он попросил еще снадобья у наемника.

– И где ты их только берешь? – выбивая нос, произнес он, вытирая давно изгвазданным платком. – Будто у тебя запас бесконечный.

– Да нет, все в дороге нахожу. Травки сухие, корешки, вот и все, что надо для отвара или мази.

– Ведун ты. – Мертвец плечами пожал. Царевич хотел что-то сказать, но замолчал разом. Сидя подле наемника, он то бледнел, то краснел, но больше не решался поминать в разговоре предстоящий путь, а ведь перед этим только и спрашивал у обоих своих попутчиков, что

чувствуют перед дорогой, как ее видят, чего именно боятся. Оба успокаивали, оба старались отвлечь и его и себя. Как и все прочие.

– Может и ведун, – наконец произнес наемник. – Иначе не выжить. Вот я даю тебе ромашку, кору липы и рубедо как основу, завариваю, остужаю дважды. Жаль, альбедо у меня нет, иначе б ты не заражался наново.

– Как только ты не заражаешься.

– Сам знаешь, мне уже поздно, – со знакомой полуулыбкой ответил Мертвец. Разговор этот меж ними велся в точности как в прежние времена, те, далекие, с первых дней выезда из столицы. Будто оба хотели вернуть их на недолгий срок, до начала путешествия.

Да не только они говорили ни о чем, отвлекаясь от пути, многие в трактире, вроде и разойдясь, но продолжали тянуть обрывки пустопорожних бесед, сидя у догорающей свечи, чей огарок уж разливался слезами на блюде, а фитиль давным-давно надо отщипнуть. Наконец, Дориноша пригласил царевича на чердак, где ему и товарищам его предложили переночевать. Наемник с телохранителем заснули довольно быстро, царевич же, хоть и вымотался изрядно, но долго глядел в потолок, слушал шуршание мышей за стенами, и только, казалось, закрыл глаза, как его разбудили.

Он вскочил и огляделся. Дориноша осторожно потряс его за плечо. Наемника уже не было, за окнами темень, но снизу слышалось поскрипывание и шелест голосов. Перед царевичем на лавке лежала кольчуга, поддоспешник – тяжелая рубаха, прошитая железными пластинами, – а еще поножи, островерхий шлем и короткий меч. Его походное облачение, которое до нынешнего дня находилось в переметной суме. Он задохнулся, в волнении разглядывая выложенные доспехи, а потом неловко, дрожащими руками принялся одеваться.

Собрались и выехали затемно. Через пару миль, когда спускались с последнего холма на пути к сожженному Истиславу и повертывали с дороги, за спинами начал белеть восход. Молодые кони, возбужденные присутствием кобыл, нервно ржали, их все время приходилось успокаивать.

Часа через два выбрались на дорогу. Первым выехал Мертвец, огляделся, дал знать остальным – все в порядке, можно. Поспешили и другие, уставшие от ветвей ивняка, непрерывно бьющих в лицо. К утру немного распогодилось, но в низинах еще лежал белесыми клоушками туман, пожиравший талый снег. Погода предвещала тепло – безветрие давало надежду, что облака не набегут, а солнце просушит меха и прогреет спины.

К полудню лошади стали заметно отставать, пришлось сбавить скорость, дать долгий отдых. Солнце сияло вовсю, погода установилась весенняя, на душе потеплело. Казалось, вся последующая дорога так и пройдет – в свете яркого солнца, без тревог. Даже лошади и те подбодрились, после привала не так тормозили отряд, старались, тяжело дыша, не привычные к долгому бегу. Все поспешали, особенно старался Боронь, возглавлявший отряд. Изредка он оборачивался на двигавшегося прямо за спиной наемника, что-то говорил тому вполголоса, тот отвечал; так, перебрасываясь короткими фразами, к вечеру они прошли почти полтора дня пути. И все равно царевич подгонял. Уже пятнадцать дней в дороге, да еще лошади двигаются уж очень медленно, а тут, может, каждый час на счету. Ему казалось: стоит им хоть немного сдержать бег, как они непременно опоздают, или, того хуже, напорются на разъезд, и хотя перекрестков вплоть до самого города здесь не сыскивалось, мало ли какой отряд мог затаиться в зарослях.

Первую ночь провели в еловой чащобе, укрывшись лапником – и от холода, что застудил землю ясного дня звездной ночью, и от тех, кто мог услышать коней. Костра не разводили, даже самого малого, для угольев под лежак из палок. Пробудил их колючий зимний холод, наскоро перекусив, двинулись дальше, торопясь поскорее понять, что приготовила им крепость – прием или забвение.

Вскоре заря выпустила солнце на чистое небо, покрытое едва заметными полосами перистых облачков. Кто-то из войска, разбирающийся в приметах, заметил – холода скоро вернуться, дня через три стоит ждать морозов. Но к тому времени их отряд должен стоять у ворот Тербицы.

Еще два часа пути, – солнце поднялось прилично и прогревало от души, —впереди заметили тела. Подъехав, поняли – свои. Тот самый дозорный отряд, из прибывших на помощь Истиставу. Семнадцать человек из двадцати лежали, поленьями разбросанные по дороге, странно, но в этих местах их и волки не прибрали. И еще один обезображенный схваткой труп, с разбитой головой, принадлежал косматому.

Кто-то предложил похоронить павших с честью, Боронь только гаркнул на товарища и велел поторапливаться да помнить об участи несчастных, коим и не повезло, и кои сами чужое везение растеряли. Командир снова обернулся к наемнику, сам посудит. Небольшой отряд столкнулся с тысячью, надвигавшейся на крепость, сражался как мог, но не отступил, а жаль, заметил командир сгоревшего города, хоть бы одного послали с вестью, чем всем здесь зазря пропадать. Чуть поодаль, в чащобе, заметили холмик, видимо, княжья тысяча урвала пару часов, чтоб похоронить своих. Пахолик, вдруг обретший металл в голосе, скомандовал не останавливаться, выясняя, что да как, а двигаться побыстрее, царевичу не претили, рысью двинулись в путь.

Как-то так вышло, что Мертвец и Дориноша вырвались локтей на двадцать вперед, подгоняя коней все сильнее, отрывались от отряда. Неожиданно наемник натянул поводья, указывая вдаль. Дорога змеилась черной полосой меж нетоптанных снегов, скрывающихся в чащобе.

– Я видел шевеление и какой-то отблеск, – тихо произнес он телохранителю. – Подожди здесь, узнаю, что.

– Нет уж, давай вместе, – тот кивнул, обернувшись, велел остальным оставаться на месте. В то же мгновение звонко пропела стрела, пролетев прямо над ухом Дориноши. Не задумываясь, оба ударили пятками, миг прошел, а они уже оказались подле невысокой сосенки, склонившийся над дорогой. Телохранитель сорвал со спины щит, спрыгнул с коня и рванулся к кустам. Мгновение погодя за ним последовал наемник.

За спинами послышался громкий крик Бороня:

– В круг! С тракта! – военачальник начал уводить всадников к зарослям; ошестинившись мечами и топорами, закрывшись щитами, воины образовали надежный заслон, закрыв и царевича, и коней. Мгновение протекали, но новых атак не происходило, продолжалась только та, что шла в боярышниковых зарослях.

Мертвец, еще с коня увидев шевеление в кустах, разглядел и некоторых из засечников, теперь же, определив их число – всего-то пятеро, – снял лучника с ветки сосны метким броском ножа и, покуда он рушился на головы отряда, вынув меч, бросился напрямик, ужом нырнув в звериный лаз у корней кустов. Дориноша, куда крупней и тяжелей наемника, устремился в обход, стараясь не дать разбежаться засечникам.

– Толстого живым! – крикнул Мертвец, вонзая нож в горло одному из косматых и отмахиваясь от топора другим мечом. Отряд совершил небольшую ошибку, слишком далеко отойдя от коней, и понял это поздно, оказавшись зажатым в зарослях боярышника. Впрочем, ошибку еще можно было исправить, их пока оставалось трое против набежавших двоих. Дориноша, едва увернувшись от чекана, взял пару на себя, в том числе и того крепыша в пышных мехах, которого наемник назвал толстым. По всему это и был глава пятерки. Вооруженный тяжелой саблей, он ловко оборонялся, закрываясь и товарищем, и небольшим квадратным щитом с цветами герба Бийцы. Второй так же ловко орудовал коротким копьем и клинком, телохранитель прижался к стволу и лишь так мог отражать атаки. А затем, с силой отбив новый пырок, рубанул мечом. Мгновение они оставались наедине – главарь и Дориноша. А по прошествии оного тот валялся, сбитый ударом обуха в спину, судорожно лоя в воздух легкими.

Дориноша тотчас вспрыгнул ему на грудь, приставил меч к горлу.

– Выкладывай, откуда, кто такие, зачем. Быстро!

Толстый, никак не придя в себя от удара, только хрипел. Мертвец подошел, дважды свистнув пронзительно, давая понять отряду, что дело сделано. Телохранитель пнул в грудь лежащего, снова приставил к горлу меч. Но как-то неудачно, по телу главаря прокатилась судорога, он дернулся и будто намеренно резко поднял голову, не в силах отдышаться. Безупречно заточенный меч сам вошел в глотку, рассекая трахею, кровь полилась рекой.

– Тербица... князь... чудовище... чудовище! – еще раз вздрогнув всем телом и этим сильнее распоров горло, прохрипел через силу главарь и затих.

– Придурок! – Растерянный телохранитель поднимался, не смея обернуться к стоявшему рядом Мертвецу. – Какой же ты, к демонам, палач! Все запарол. Меня не убил, а этого вот с ходу прикончил, будто нарочно слова сказать не дал, – и принялся обыскивать карманы убитого. Сыскалось немного: кинжал, несколько монет да полупустая фляга бражки.

– Тебя не убил, – телохранитель не мог уже молчать долее, – не мог. Помнишь, отвел на тропу и выпустил. Ты же пятнадцатый был. Мне решать, вот я...

– Ты решил. Много денег взял за побег?

– С тебя? – не понял телохранитель.

– С того, кто меня взял через сотню шагов и на три года в кандалы...

– Дориноша! – Оба, увлеченные злым спором о давнем, не заметили, как вокруг них уже сгрудились все остальные. Царевич, протолкавшись поближе к телохранителю, сперва слушал, потом, не выдержав, бросился к нему, схватил за грудки, да едва не завалился. Отпустил. Произнес, давясь словами: – Так кто же ты такой?

– Скажи уж ему, – бросил Мертвец, медленно приходя в себя. – Авось поверит.

Дориноша не обернулся в сторону наемника. Выдохнув, попытался положить руку на плечо царевича, тот извернулся, рука плетью упала к бедру. Наконец, сказал:

– Я четыре года служил ликтором при военачальнике Шестого легиона Лепиде. Я рассказывал тебе, княжич, что происхожу из семьи вольноотпущенников, за особые заслуги меня удостоили чести стать...

– Палачом?

– Ликтор не только палач, он еще и глашатай и вестовой. Он исполняет поручения военачальника и имеет право носить фасций, символизирующий власть и закон, – растерявшийся телохранитель говорил едва ли не первое, что приходило в голову, не смея глаз поднять на своего воспитанника. И по-прежнему не поднимался с колен, стоя над почти обезглавленным трупом главаря.

– Ты же рассказывал мне, что служил только на севере.

– Так и было. Шестой легион в те годы находился там. После убийства Лепиды я, как и многие другие...

– Меня это не касается, Дориноша. Что ты творил на самом деле? – Странная тишина установилась, говорил только царевич, все прочие молчали, вроде бы отстранившись от троих, но поневоле слушая разговор, становясь его соучастниками.

– Закон, – хмуро произнес телохранитель, по-прежнему не смея поднять глаз. – Мне надо было сказать тебе еще раньше, княжич, прости, что вышло в не самое удачное время.

– Еще какое неудачное. Говори же.

– Я имел право казнить преступивших закон легионеров. За предательство, за оставление знамени, за дезертирство, за воровство и изнасилование... – наконец, встретившись с глазами Пахолика, замолчал враз и продолжил иным голосом: – Мертвец тогда именовался... неважно. Он и его товарищи должны были удержать лагерь до прихода основных сил, но оставили его. Из двух сотен выжило пятнадцать. Лепид пришел в ярость, узнав это, приказал устроить децимацию, то есть казнить каждого десятого, а остальным выдавать один овес две недели. Но их

было пятнадцать, и жребий вытянули двое, тогда Лепид переложил бремя выбора на мои плечи. Я... я отпустил Мертвеца, таково распоряжение Лепида: либо уход из легиона, либо смерть. Второго я казнил.

– Ты отдал меня в плен венедам.

– Я не знал. Я отпустил тебя, наемник, – Дориноша выглядел совершенно раздавленным. – Показал тропу, по которой всего четыре часа назад прошел дозор, сказал куда идти и дал десять монет. Я представить не мог, что... – телохранитель замер, ожидая слов Мертвеца. Но тот молчал, хмуро глядя на Дориношу. Потом протянул руку.

– Поднимайся. Нам пора в путь. – Телохранитель несмело коснулся ладони, поднялся, не поднимая взгляда. Забрав коней убитых, отряд высыпал на дорогу, Мертвец поинтересовался, не было ли другой засады, с другой стороны тракта.

– Как не быть, была! – воскликнул Боронь. – Там, в осиннике. Да что-то они драпанули, едва только мы спешили. А их человек пятнадцать, не меньше.

– Ты давно здесь служишь?

– На дороге? Мертвец... я ведь вырос в Истиславе. Двадцать пять лет как на стенах сию.

– Выходит, ты нас и спас от засечников.

– Да какие засечники, ни еды, ни воды с собой, только денег немного да кони резвые. Похоже, дезертиры, подальше от князя рванули, а услышав нас, схоронились, думали, что-то урвут с разбитого войска. Выходит, не зря тот в мехах назвал князя чудовищем. Значит, дойдем до Тербицы, значит, ждут еще нас там.

– Похоже, ждут, – медленно произнес Мертвец, и, дотолкав лишнего всякой жизни Дориношу до коня, занялся перекладкой седельных сумок.

Самых слабых лошадей освободили от всадников, нагрузив поклажей. Тронулись в путь, двигаясь теперь заметно быстрее. Княжич ехал впереди отряда, рядом с Боронем, Дориноша скакал одним из последних, вместе с наемником. Через несколько часов добрались до развилки на старом тракте, еще совсем немного, полтора десятка миль, и они встретят Тербицу. Крепость издали видна: массивные стены, высокие башни, луга окрест, заваленные камнями, покрытые кольями и засеками. Редкие деревушки, будто шарахающиеся от могучей твердыни, не зная, что и ждать от нее. Не знали и путники, поспешающие долгой дорогой.

– Прости, что затеял этот разговор, – наконец, произнес наемник, замедляя ход коня. – Не к месту и не ко времени.

– Это верно, – кивнул неохотно телохранитель. – Да только сам виноват, должен сказать прежде. Но вот боялся испугать, княжич, он же мальчишка, он... да что я, до восьми лет ему в руки ничего острее ножа не давали. Крови боялся до обморока. Учили приемам ратным, да что толку, ты сам видел. Это он со мной хорохорился, а сейчас... Глупо как все вышло, – пощипав на себя, он чуть прибавил ходу, будто спеша отделаться от разговора с наемником. Но от Мертвеца невозможно так просто избавиться, миг – и он снова поравнялся с Дориношей. – О казнях ему не говорили, в учении против других только палки и давали. Он и вырос видишь каким, даже помыслить о смертях боится. Не представляю, как править будет. Да он ведь сказал, как, все отцу отдаст. А тот тоже отдаст – потихоньку, по крайчику – князю. Царица-матушка умела держать в узде, а Тяжак, он не правитель... Вот как такие непохожести друг с другом сходятся, не знаю.

– У господаря не имелось земель, титулов или еще чего? – Дориноша только головой покачал. – Значит, вправду по любви.

– Только не принесла она нам ничего, кроме разора да усобицы. И княжич слаб, а опоры у него нет.

– Ты ему опора. – Телохранитель поднял глаза, уж на что крепок был наемник, да и то отвел взгляд.

– Не сейчас, – и поскакал вперед, нещадно нахлестывая коня. Наемник так же прибавил ход. Прокричал еще издали:

– Он не будет помнить все время!

– Я буду.

– Ты хочешь оставить его? Отец слаб, но ты-то сильнее. – Дориноша резко повернулся, заставив коня заржать зло.

– Я никогда не оставлю его, Мертвец. Что бы ни случилось, ты понял? Он для меня плоть и кровь, он... он – все, – горло перехватило, телохранитель замолчал на полуслове.

– У тебя семьи нет? – спросил, уже заранее зная ответ, наемник, собеседник кивнул.

– Будто по мне непонятно. И хватит об этом. Мне достаточно того, что есть. Ты еще...

– Я еще раз прошу прощения, – четко произнес Мертвец. Дориноша как-то разом осел в седле.

– Не надо. – И после долгого молчания: – Ты... скажи, ты долго пробыл в плену?

– В рабстве. Три года в каменоломне. Бежал, вернее, выгнали, – и, усмехнувшись, пояснил: – Уж больно дохлым был после побоев, вот и посчитали мертвым, привязали к еще живому как груз, бросили в яму, присыпали землей. Могила одна на всех. Это со мной в первый раз вышло. Забавно, но с той поры умирать вошло в привычку.

– А потом, после ямы?

– Да что, вернулся. Снова воевал, но уже из-за денег. После завел семью. Наверное, запах остался, – непонятно к чему произнес он и тут же переменял тему. – Лучше остановиться пораньше, чтоб к полудню быть в Тербице.

Дориноша кивнул и, догнав Бороня, стал сводить отряд с дороги.

К рассвету они увидели крепость. Тербица возвышалась над миром, розово-черная в дымке, странно далекая и близкая. Всходившее солнце в бездонном голубеющем небе поло-совало черные стены сиянием наступающего утра. Башни поблескивали металлом, неприступно холодные на фоне непроснувшегося леса, раскинувшегося на многие мили за твердыней.

Дорога враз стала хоженной, вчера они сошлись с проезжим трактом, что вел по южному краю ретского леса, через горы, в северные провинции Урмунда, перед горами разделяясь и резко беря на запад, уходя к единственному порту Кривии, отбитому, а затем и выклянченному полтора-два года назад у Кижича. Сейчас только там кипела обычная жизнь. Городок Утха, куда можно было добраться, лишь уплатив пошлину за проезд и так же вернуться, последние годы становился все больше сам по себе. А с той поры, как Кижич запретил кривичским войскам сопровождать торговцев, и вовсе уподобился городу-государству.

Дорога, ведущая к Тербице, пустовала. Обычно в этот час по ней шли на работу лесорубы, собиратели, охотники – ретские леса славились и грибами, и ягодами, и, уж тем паче, самым разным зверьем. Уходили на заработки угольщики, ремесленники. Но чем ближе оказывались деревни, кольцом окружавшие город, тем глуше и тише становилось окрест. Будто повымерло все.

Так и есть. Отряд проехал странное поле битвы, не битвы даже, непонятного побоища, когда два десятка воинов князя попросту легли на землю, да так и не поднялись с нее. Ни ранения, ни следов ядов, ни удушения не нашел пытливый Боронь, оглядывая трупы. Их и зверь сторонился, будто не верил смерти. Странное дело, произнес командир, поднимаясь над поверженными, никогда прежде видеть подобного не доводилось. Мертвец же, подойдя к трупам, даже склоняться не стал, дернулся, будто ужаленный, и пошел к коню.

Впрочем, настроение у многих поднялось – как же иначе, ведь враг лежал, недвижимый, у ног их коней, и вот еще несколько всадников, будто спешивших куда-то и тоже княжеских войск, и дальше, и еще. Будто кто, проходя по дороге, незримым оружием, не оставлявшим

следов, косил и косил косматых. Не только их. Вот и лесорубов, бредущих с делянки, и углежогов. Отряд подъехал к деревушке, что пристроилась подле тракта, долго стучали в ворота, но им не открыли. Дориноша перемахнул невысокую изгородь, недолго побродив по деревне, где в отчаянии мычали недоенные коровы да клохтали беспокойно куры, вернулся, покачав головой – одни трупы. Будто мор прошел.

Мертвец не выдержал, спешился, достал из-за спины полоторный меч и принялся яростно чистить его и мазать странной черно-зеленой мазью, мазать отчаянно, с силой, затем, когда мазь растворилась на мече, покрыл его снова и так проделал это четырежды, не отвечая на вопросы, не поднимая головы. И лишь затем убрал меч и, вскочив на коня, принялся догонять остальных. Подъехал к телохранителю.

– Скажи, князь Бийца – он каков? Ты говорил как-то, что видел его не раз и не два.

– Я думал, ты мне расскажешь, что за дрянь втирал в острие. Ну, значит, не надо... Прежде, при матери, он частым гостем в Опае был. Особенно как царица занедужила. Проведывать приезжал, – он скривился. – Мерзкий человек, подлый и жадный, коли вцепился в кусок как собака, не отпустит, пока не зарубишь. Если он здесь где-то, возле Тербицы с остатками скопища, по мне так сразу убить, а потом договариваться с командирами.

– Похоже, так просто не получится, – произнес Мертвец, оглядываясь по сторонам.

После деревни трупов не находилось, дорога вильнула, еще поворот, и они выйдут напрямую к единственным воротам Тербицы. Конечно, из любой крепости находились и тайные ходы, ведущие под землей за мили от нее в леса, поля, холмы; не являлась исключением и Тербица, но знали о них только местные тысяцкие да жрецы. Снова добрый знак, что мертвцов нет, еще более приободривший всех уже, кроме наемника. Пахолик и вовсе подъехал к Бороню, просил трубить в рог, а после догнал и поговорил с телохранителем, просил прощения за несдержанные слова, недостойные княжича, и простил его. Отрок будто неведомые силы обрел, он то рвался вперед к крепости, то сходил с тракта, выискивая что-то одному ему видимое, не находя, снова догонял растянувшийся его милостью отряд – и так по-мальчишески непосредственно радовался виду растущей твердыни, что не заразиться ею не представлялось возможным. До которой и осталось всего ничего – спуститься с холма и добраться до ворот.

Рог, наконец, затрубил, возвещая о прибытии царевича. Долго, протяжно, краткий перебив, и снова. Отряд выбрался на долгую равнину, изрытую кольями, по неширокой дороге, ведущей напрямик к надвратным башням, приблизился к Тербице. Крепость, выросшая за последнюю сотню лет едва не вчетверо, наконец-то ответила. Горн прозвучал со стены, решетка перед воротами стала медленно подниматься. Всадники остановились, поджидая. Когда-то прямо за этими воротами находилась большая площадь, казармы, несколько рядов улочек разбегались, чтоб упереться в стены другой стороны. Сейчас все иначе, ныне уже третий ряд стен опоясывает заднюю часть города, вмещающего в себя сорок тысяч населения, большая часть внутренних укреплений скрыта, а оставшиеся образуют замысловатый лабиринт, попав в который неприятелю придется искать выход под градом стрел и камней, кипящей воды и масла.

Наверху что-то ухнуло, решетка остановилась, стали расходиться ворота. Навстречу прибывшим под звуки горна выехала процессия: советник господаря, храмовники и несколько десятков всадников. Позади них бежали ратники, выстраиваясь вокруг отряда кольцом. У всех на груди черно-желтое поле герба, пересекаемое красной молнией. На стенах появились арбалетчики в тех же цветах, целящиеся в отряд.

– Что же это? – беззвучно произнес Боронь, враз опуская поводья.

– Добро пожаловать, княжич, к стенам славного града Тербицы, – произнес советник, как только десяток прибывших оказался в плотном кольце. – Сожалею, что не могу дать пройти тебе и твоим товарищам дальше, ибо смысл в этом пропал начисто. Вот уже три дня как король

Бийца Второй, прозванный Смиренным, поклонился пред алтарем богу огня и, получив от него благословение, взошел на престол. Весть об этом теперь расходится скорее ветра, по всем городам и весям нашей славной отчизны, – советник еще долго восхвалял достоинства нового государя, его благочестие, искренность и отвагу, эта долгая речь вывела прибывших из оцепенения. Некоторые воины похватались за мечи, но их благоразумно шуганули копейщики. В этот миг разом очнулись все, пребывавшие в забвении, начали оглядываться по сторонам, переглядываться меж собой, шептаться. Удар копий о щиты заставил их замолчать.

– Где мой дядя, я бы хотел его видеть! – внезапно прокричал Пахолик, сверля глазами советника. – Я бы хотел... сразиться с ним, как мужчина с мужчиной, – внезапно закончил он. Советник посмотрел на него несколько изумленно, но ничего не сказал. – Я требую суда бога, – продолжил царевич.

– Прости, мальчик, но суд бога лишь для достигших восемнадцати лет. Но ты можешь подождать пока. Хотя нет, государь велел сообщить тебе, когда ты наконец появишься, что не желает тебя видеть. Клянусь, я уговаривал его погодить с церемонией, он поначалу слушался, но ты и твои товарищи так долго бродили где-то, что государь Бийца Второй потерял терпение. Если б ты появился хотя б неделей раньше....

– А мой отец, где он?

– Он в добром здравии и передает свои сожаления, что не смог прибыть ни на празднество воцарения, ни на казнь своего сына. Впрочем, его отречение при мне, можешь взглянуть, оно даже не распечатано.

Советник извлек сложенный вчетверо пергамент, припечатанной сургучом и обвитый лентой цветов прежнего правления. Подал через ратника Пахолику, тот рывком сломал зеленый воск, вскрыл и быстро прочел письмо. В самом деле, отречение – написанное отцовым почерком и скрепленное его перстнем-печатью. Тяжак клялся в верности Бийце и соглашался сдать город, в случае, если ему непременно оставят в управление его прежние владения и столицу под нерушимые гарантии самого князя, а также в присутствии доверенных лиц, которые перечислялись ниже – советник, жрец бога огня, двое думных печатников, верно, тех которым отец доверял особо или на которых мог рассчитывать. Всех их, как помнил Пахолик, назначила еще его мать, и все они, кроме восседавшего на жеребце советника, либо предали его, либо казнены. На своих слуг Тяжак не рассчитывал, доверился более надежным, но так только казалось.

Лист из ослабевших рук выхватил Дориноша, быстро пробежал глазами, нервно содрогнувшись, передал наемнику, тот усмехнулся неприятно и отдал бумагу подбежавшему воину. Царевич медленно сползал с коня, телохранитель, прыгнув, едва успел подхватить его. Мертвец также спешил, дал понюхать, а затем растер виски мальчика живительным перечным бальзамом. Мальчик стал потихоньку приходиться в себя.

Тем временем охрана советника спешила и всех остальных, забрав животных. Странно, что ни у кого не взяли оружия, может, советник порекомендует им достойную смерть, подумалось Мертвецу. Да, скорее всего. Зачем новоизбранному царю марать руки наследником-мальчишкой, так рвавшимся да ненамного опоздавшим на встречу с богом.

– Советник, – возвысил голос Мертвец. – А как со мной? Мне обещали еще четыре тысячи, если княжич доберется до Тербицы. Он здесь, может, считаешь меня?

На него посмотрели, ровно на безумного. Все – и советник, и царевич, и ратники нового государя, и отряд Бороня.

Внезапно советник расхохотался. Смеялся долго, надрывно, замолчал резко, сверкнул глазами.

– Ты прав, наемник. Все верно, ты довез княжича до Тербицы. Пройди со мной и получишь награду.

– Я только прежде хотел узнать одно. Каким же образом нас так ловко опередили?

– В этом нет ничего удивительного. Через два дня после вашего отъезда войска государя Бийцы численностью в тьму пеших и две тысячи всадников подошли к Опае. После короткого штурма они были отбиты, но захватили в плен около сотни лучников с северных башен. Той ночью я повелел открыть ворота. А перед этим уговорил господаря написать это письмо. Господарь просил лишь гарантии для себя и меня в качестве проводника его условий. Я передал второе письмо государю Бийце, тот посмеялся над страхами Тяжака и велел назначить того владельцем северных земель, если он немедля покинет столицу, что и было сделано. Сейчас новый владелец уже добрался до Шата и, вероятно, продолжит путь в Сихарь. Голубиной почтой мы получили известие, что он счастлив служить своему господину и станет верным его...

– Довольно! – Пахолик, побелевший точно саван, попытался вырваться из рук телохранителя, но упал. Его тотчас подняли, он вырвался. – Что вы творите? Я проехал Кривию, я был... во что вы превратили ее? По дорогам всадники, как вороны, налетают на всех без разбора, лишь бы поживиться – чьи они? Уже неважно. Деревни воюют с деревнями, города с городами. Я не знаю, как давно это творится, я только ныне отправился в первое путешествие. Советник, скажи, вы этого хотели, тебе и Бийце это надо?

– Кривия не раз проходила испытания огнем, – холодно ответил тот. – Пройдет и ныне. Если б отец твой отрекся раньше, ничего подобного не случилось бы. Но он решил сам править, усадив тебя на шаткий стул вместо трона. Пусть радуется, что ему достались владения, а не плаха.

– Вы просто не смогли сломать всех защитников Опаи, – влез Дориноша, – вот и отправили в почетную ссылку. Если не придушили по дороге.

– Все мое время, телохранитель. Ваше – уже сейчас. Я надеюсь, княжич, ты ожидал подобного?

Пахолик побледнел, но выстоял, не сломался под пристальным взглядом. Произнес враз осипшим голосом:

– Как меня казнят?

– Тебя не казнят, мальчик. Я отдал тебя ему. – Тут только окруженные смогли разглядеть скрывавшегося за пышным плащом, раздуваемым северным ветром, всадника в темно-зеленых одеяниях, безоружного и бездоспешного. Мертвец сделал шаг вперед, закрывая княжича, тот непонимающе глядел на спешившегося, от которого все прочие воины старались держаться подальше. Советник, едва с ним поравнялся неведомый попугчик, и тот поспешил отъехать к воротам, большинство окруживших отряд попросту раздалось в стороны, заходя за колья и путаясь в завалах камней. Как можно дальше от встретившегося лицом к лицу с наемником.

– Я заберу ваши души, – произнес он ровным голосом, столь спокойным, будто изреченным искусно сделанной куклой. Ни радости, ни сожаления. – Все, кроме его, – он ткнул пальцем в наемника. – Его душу я уже забирал, да она вернулась.

– Значит, ты узнал меня, Жнец душ? – улыбнулся Мертвец. – И я тебя вспомнил.

– Я помню все души, что храню и что пришлось отпустить.

– На днях ты забрал немало душ. Ведь я правильно понял, взять Тербицу пригласили именно тебя?

– Так и есть, наемник. Тербица – город-крепость, ее непросто взять человеку с одной жизнью, даже будь у него в распоряжении большое войско. У меня сотни жизней, а потому...

– Князь, прошу прощения, царь Бийца Смиранный милостиво одарил тебя своими подданными. И до и, как я думаю, после.

– Осада оказалась непростой. Один с малой поддержкой воинов князя, питающей меня и дурно помогающей – и против двенадцати тысяч войска и ополчения. Я потерял очень много душ.

– Тогда, раз у меня есть маленькое преимущество перед прочими, давай заключим сделку. – Жнец пристально всматривался в лицо наемника, не понимая, к чему он клонит. –

Можешь считать это забавой, но раз палачом избрали тебя, в твоём праве казнить и миловать. – Тот кивнул. – Я предлагаю тебе сразиться за одну из душ – за княжича Пахолика.

– Зачем тебе это?

– Считаю моей блажью, но я слишком долго добирался сюда и соскучился. В пути не было развлечений, а я, как ты знаешь, их жажду. – Жнец молчал. – Давай так: если я смогу выбить из тебя хотя бы половину сжатых недавно душ, княжич уйдет. Вместе с телохранителем, не отпускать же мальчишку одного. Если нет, ты меня убьешь.

– Я не убью тебя, Мертвец, ты воскрешенный. Второй раз твою душу мне не заполучить, как бы ни хотелось, она уйдет богам. Я просто исполосую тебя и брошу подышать перед крепостью. Ты двуязычный, значит, будешь мучиться долго.

– Выходит, мне всюду выигрыш, – улыбнулся наемник. Жнец усмехнулся, темное обветренное лицо его на миг посветлело, будто от приятных воспоминаний, а затем снова сделалось непроницаемым. Человек как человек, и все же недаром беглец из-под стен Тербицы называл его в предсмертной агонии чудовищем.

Есть такая порога магов, рождающаяся, быть может, раз в столетие, столь способных в некромантии, что одного взгляда им оказывается достаточно, чтоб вытянуть из человека не просто жизненную силу, но и напитаться самой душой, став сильнее, крепче, здоровей – ровно настолько, сколь много или мало сил и здоровья имелось у несчастного. Такой некромант мог жить вечно, по крайней мере до самого конца человечества в последней битве богов и людей. Этот колдун обычно бродил по странам, в которых возникают распри и усобицы, и кормился здоровыми, выращенными на убой жизнями – солдатами, которым предстояло идти на смерть. Часто его приглашали намеренно, вот как сейчас, помочь одной из сторон. Наемник не раз слышал о Жнеце душ, но столкнуться лицом к лицу довелось лишь однажды, чуть больше шести лет назад.

И вот снова.

Он ждал этой встречи с того мига, как услышал от умирающего главаря беглецов слово «чудовище», нутром почуяв, о ком может идти речь. Говорят, Жнеца душ можно убить, легенды гласили, когда-то и кому-то это удавалось. Геройский, но бесполезный подвиг, ведь на место одного приходил новый, земля будто нуждалась в них, будто ей с течением долгой жизни отходящего от дел Жнеца требовалось больше крови. И она сама направляла к тому героя или другого ведуна, яростней, отчаянней стремящегося занять место, за которое прежний, поживший свое и чужое некромант не так и держался.

До сих пор Мертвец не мог понять, что он избрал себе ныне – не то геройство, не то смерть. Наверное, последнее. Умирать давно уже не страшно, страшно умирая не умереть.

– Договорились? – спросил наемник, Жнец кивнул. – Тогда надевай побольше брони и бери оружие полегче, битва будет долгой.

Раздраженный советник явился, пытаясь отговорить колдуна, но оказался послан за доспехами. Оружие Жнец отобрал у ближайшего воина – короткий меч и большой круглый щит. Мертвец выпил пузырек оздоравливающего зелья, пожалев, что ребис для его изготовления у него закончился.

Наконец, часа не прошло, оба подготовились. Княжича, пытавшегося пробиться к Мертвецу, что-то кричавшего ему, отвели подальше, вместе со всем отрядом. Советник так же предпочел наблюдать за битвой от ворот крепости. Туда же переместилось большинство войска Бийцы. Лишь один круг в полсотни бойцов остался, и то волей советника. Неизвестно кого и зачем сторожить.

Колдун встал в стойку.

– Твой ход, ушедший, – бросил он наемнику. Тот медленно вынул из-за плеча полуторный меч, в другую руку взяв кинжал. Жнец хмыкнул: – Меч-бастард. Где ты достал его?

– В обители ордена Багряной розы. Я им понравился.

– Не больше, чем мне. Начинай.

В один миг наемник будто перестал существовать. Превратившись в стальной вихрь, он оказался подле Жнеца и набросился на него: перерезал руку, пробил панцирь, проткнул горло кинжалом, крутанувшись на месте, срезал голову, полоснул по шее, с силой повернув в ране лезвие меча-бастарда. Отшатнулся и, увернувшись от удара Жнеца, подсек тому сухожилия, вонзил кинжал в бок, резко выдирая острие и отталкивая колдуна от себя. Тот рухнул наземь, но всадить меч в грудь не дал, откатившись в сторону, щитом ударил по ногам Мертвеца, заставив того упасть, и рывком поднялся. Встал на ноги и наемник, вглядываясь в противника. И снова перешел в атаку. Обрубив кисть, державшую щит, заставив обронить его, порол живот и пах, порезал бедра, снова ударил в горло. И сам, увлекшись, получил мечом в грудь, спас только прочный панцирь, на котором появилась заметная прорезь. Латы же колдуна за короткое время боя оказались сильно изрезаны, лишились завязок и теперь хлопали по спине при каждом движении.

Жнец не стал поднимать щит, выхватив второй меч из-за спины, и сам перешел в атаку, не давая Мертвецу мига передышки. Битва превратилась в танец, размеренный, осторожный, лишенный прежней злой торопливости. И если почти всякий удар Мертвеца убивал, то большинство выпадов Жнеца, не столь хорошо подготовленных, отбивалось наемником более или менее удачно, а некоторые все равно достигали цели. Но ведь Жнец и не собирался убивать противника, он желал тяжелого ранения его и только, а для этого готов был ждать и терять жизни еще очень и очень долго.

Новый удар сбил шлем наемника, по лбу потекла струйка крови, еще одна закапала с руки. Мертвец перестал спешить вовсе, у наемника возникло странное ощущение, будто он борется с восковой куклой, в которую сколько ни втыкай меч, все раны мгновенно исчезают. Наскоро стерев кровь, капавшую на лицо, он снова перешел в атаку. И тут же был пойман – мечи снова прошлись по груди.

– Скоро устанешь, – произнес Жнец, вращая мечами. Дыхание его ни на миг не сбивалось.

– Посмотрим, – хрипло ответил наемник, всаживая кинжал в печень и ударяя противника в пах, отбрасывая колдуна подальше, чтоб самому перевести дух.

Бой продолжался уже час, но и не думал прекращаться. Мертвец, получив немало ранений в правый бок, пусть и слабых, прошедших вскользь, стал действовать медленнее, чуть подволакивать ногу. Он отбросил кинжал, схватился за меч обеими руками. Сбросил и порубленные латы, оставшись только в поддоспешнике. Ровно то же проделал Жнец. Теперь уже колдун начал теснить противника, не выдыхаясь, не сбиваясь с заданного ритма, наносил удары, от которых наемник теперь все больше отбивался мечом. Так продолжалось еще с полчаса, Жнец наседал, наемник – уходил от ударов. Кружение продолжалось, ратники государя отошли вглубь частогокола, некоторые и вовсе подались к замку, устав следить за размеренными точными движениями обоих, вгонявшими в сонное опустошение.

Время тянулось по капле, минуло уже около трех часов нескончаемого боя. После очередного удара Мертвец отскочил прямо к кольям, колдун продолжал рубить, тесня противника, загоняя его в узкий проход, на скользкие камни. Но тут неуловимым движением наемник выскользнул из-под удара сверху, Жнец пошатнулся, получив новое отсечение кисти. Но поднять меч не успел, бастард наемника рассек ему грудь, он пошатнулся, и мягкий яловый сапог Мертвеца пудовым молотом вонзился в грудь, бросая тело Жнеца на скрещенные колья. Колдун пытался выбраться, бился, чувствуя, как медленно расплзаются мышцы тела, теряя много жизней каждый миг, наемник же остервенело бил его ногами по груди, то одной, то обеими сразу, покуда колдун сам не навалился на колья, разломившись пополам – и только таким образом сумев подняться. Мечи лежали на земле, вернуться к ним, да хоть отойти, Мертвец не давал, меч-бастард работал равномерно, нанося смертоносные ранения одно за другим, про-

рывая мгновенно сраставшуюся плоть. Наконец, колдун не выдержал, бросился вперед, головой ударив наемника в грудь, откинул подальше, поднял мечи – и снова оказался на кольях. Вывернулся, выломав один, отбил сокрушающий голову удар и, откатившись, поднялся.

– Довольно! – при этих словах, стоявшие недалеко ратники государя пали, не сделав ни единого движения, точно разом уснули на постах. – Довольно! – проревел Жнец, и стоявшие подле ворот крепости рухнули следом, сидевшие на конях попадали, как плохо поставленные костяшки. Советник один успел вскрикнуть перед тем, как свалился с коня. Жрец не выбирал новых жертв, он вовсе не смотрел на замок. Кто-то крикнул на башнях, отдавая команду. Сотня стрел слетела со стен, метнувшись к обоим. Мертвец только и успел, что броситься к Жнецу, прикрыться им, съжившись у ног некроманта. Охнув, когда стрела пронзила лодыжку. Колдун тяжело завалился на наемника, но тотчас поднялся.

– Довольно! – рывкнул он так, что колокола в главной башне загудели. Стрелки градом, словно переспелый виноград, посыпались со стен. – Я сказал, хватит! – Ворота стали сходитьсь и замерли. Тишина обуяла окрестности Тербицы. Колдун обернулся уже к Мертвецу, медленно поднимающемуся на ноги, опираясь на меч-бастард – только так он и мог выпрямиться и теперь стоял, едва держась на ногах. – Ты победил. Забирай их и убирайся как можно быстрее. Мне надо восстановить утраченное.

Он повернулся, сделал несколько шагов в сторону города, но остановился на полпути. Из врат крепости доносились шумы какого-то сражения – стоны раненых, крики, звон стали, отчаянное ржание коней.

– Их даже не закопали! – рывкнул Жнец душ. – Я же приказал предать земле, чтобы... но нет. Ну так получайте воинство Тербицы заново, только мертвое.... Ко мне, конь! – прокричал он словно в пустоту. – Ко мне!

– Мне тоже надо, – прохрипел Мертвец, – в город. Повидать советника. Он задолжал мне. – Наемник сделал шаг и вскрикнув осел, ему на помощь пришел Дориноша, поднявший и осторожно уложивший его на сухую землю, хорошо прогреваемую солнцем. Разорвав рубашку, начал перевязывать бесчисленные раны наемника. Тот воспротивился, попросил достать из подсумка несколько склянок с мазью и только потом дал себя перевязать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.